

Олег Мамонтов

Прощайте, сожаления!

16+

Олег Мамонтов

Прощайте, сожаления!

«Автор»

2018

Мамонтов О. Н.

Прощайте, сожаления! / О. Н. Мамонтов — «Автор», 2018

В книге рассказывается о россиянах, которые не только решают проблемы выживания в непростых условиях нашей действительности, но и думают о судьбах Отечества, размышляют о российской истории, ищут в ней ключи для понимания современности. Притеснения со стороны сильных мира сего, искушение лёгкого богатства, потеря работы и любимых, тяжелые недуги – с этими испытаниями сталкиваются герои, и некоторые из них переживают душевную ломку, идут на преступления... Автор постарался обозначить больные проблемы наших дней, не пытаясь дать на них готовые ответы.

© Мамонтов О. Н., 2018

© Автор, 2018

Олег Мамонтов

Прощайте, сожаления!

1

В Москве Александра Петина чувствовала себя несчастной, неловкой, никчёмной неудачницей, хуже того – прощельгой, не заслуживающей ни счастья, ни хотя бы сострадания. Столица – нелюбимая и всё-таки притягательная, сумбурная, суматошная, неудобная, хмурая, всегда заполненная спешащим народом, как гигантский проходной двор, обманчиво простецкая, распахнутая как будто для всех и каждого – в действительности оказывалась неприступной. Во всяком случае, для неё, маленькой, совсем немолодой женщины. Она искала и не нашла в этом каменном лабиринте самого необходимого – своего места в жизни.

На днях в очередной раз тучи сгустились над её головой. Она ездила по заданию редакции интернет-издания *antikorrupzia.ru* в Верхневолжск для освещения истории об аресте по обвинению во взяточничестве тамошнего мэра Трушина, имевшего репутацию либерала, и подготовила материал, который редактор отверг, а вместо объяснений сказал как отрезал: «Так писать нельзя». С этим приговором рушилась её надежда на закрепление в издании, где она была только на испытательном сроке и за месяц подготовила лишь два материала, одобренных редактором. Причем оба представляли собой репортажи о маловажных мероприятиях, и из второго взяли только сделанные ею фотографии, а текст опубликовали другой, хотя и за её подписью.

Александра не могла понять, чем же плох её материал о Трушине. Написан он был с обычным для неё тщанием, с изложением множества обстоятельств дела и цитированием всевозможных источников. Ей удалось даже встретиться с женой арестованного и осветить событие глазами этой несчастной женщины, потрясённой случившемся, убеждённой в невиновности мужа и достойной безусловного сочувствия. Правда, при написании статьи она допустила некоторую передержку, слишком горячо, пристрастно настаивая на версии защиты о заказном характере уголовного дела и сходу отменяя улики против бывшего мэра как сфабрикованные. Но разве это дело – не ещё одно поле борьбы двух партий, либералов и консерваторов, и разве не должна она, журналист, открыто поднять свой либеральный стяг и выступить в защиту Трушина с партийной позиции? Тем более – в либеральном СМИ?

Примером для неё было любимое радио «Слухи Москвы», на котором даже анонс воскресной программы для малышей и их родителей ведущая со сдобным голосом заслуженной кормилицы завершала словами: «За наше и ваше будущее!», перефразируя знаменитый лозунг польских инсургентов: «За нашу и вашу свободу!». А уж в своей популярной передаче «Тайны Кремля» блистательная Полина Бреус по-настоящему бралась за превращение слушателей в революционеров, не боясь показаться пристрастной и не упуская ни одной возможности лягнуть ненавистный режим. Совершая экскурсии в прошлое разных государств, она проповедовала необходимость для просвещённого меньшинства взять судьбу отечества в свои руки вопреки мнениям отсталого большинства. Александра всей душой желала участвовать в делах революционного меньшинства, хотя затруднилась бы с ответом на вопрос о том, почему так уверилась в необходимости радикальных перемен в стране. Ни её относительно благополучное прошлое, ни даже не слишком успешное настоящее не объясняли как будто такого ожесточения.

Александра родилась и выросла в Ордатове, в семье рядовых инженеров, в школе училась средненько, проявляя склонность не к литературе и истории, как приличествовало будущему журналисту, а к математике, и поступила потому в местный университет на специаль-

ность «прикладная математика», где освоила начала программирования. По окончании вуза она поработала немного в местном проектно-институте программистом, а когда зарплату там стали задерживать, легко сорвалась с места и уехала в Москву, где стала рекрутером в кадровом агентстве.

В рекрутеры она попала по милости человека, с которым у неё вскоре возникли романтические отношения, – Михаила Обожина, открывшего в Москве рекрутинговое агентство «Рандеву». Он был романтиком рынка, каких в ту пору было много, и смело ринулся в неизвестную ему сферу деятельности, выбранную только потому, что она представлялась сравнительно несложной и не требовала значительного начального капитала. Михаил и приглянувшаяся ему молодая и симпатичная Александра, а также ещё две девушки-сотрудницы вместе изучали азы рекрутинга по одним и тем же учебникам и тут же пытались применить полученные познания на практике.

Довольно скоро Михаил и его сотрудницы убедились в том, что в России ещё не сложилась практика регулярного обращения работодателей в рекрутинговые агентства и что серьёзную конкуренцию рекрутерам составляет интернет, при помощи которого работодатели и соискатели рабочих мест находят друг друга без посредников. Они узнали также, что и внутри их отрасли высока конкуренция, что многие заказы на услуги рекрутеров проходят через тендеры, что зачастую над одной вакансией работают несколько агентств, и оплата достаётся лишь тому, которое быстрее остальных находит дельного специалиста. А разве преуспеешь в этом, если ты не психолог и не знаешь, как оценить психологические характеристики кандидата на вакансию – его мотивацию, гибкость и способность адаптироваться в коллективе? И ещё сложнее с оценкой профессионального уровня соискателей. А если нужный кому-то специалист спокойно трудится где-то и не даёт о себе знать? Как выйти на него?

Кого основатель «Рандеву» нашёл точно, так это своих возлюбленных. Сначала он полюбил Александру, и она ответила взаимностью. Дело шло как будто к свадьбе, но когда Александра забеременела, Михаил резко охладел к ней и полюбил другую сотрудницу. Александре пришлось ехать в Ордатов и делать аборт, после которого она стала бесплодной. Затем заболела её мать, и Александра, ухаживая за ней, застряла в родном городе почти на десять лет.

По возвращении в Ордатов Александра решила попробовать себя на новом поприще: стала сотрудницей «Ордатовских новостей». На новом месте она вошла во вкус прежде незнакомой ей журналистской работы и сошлась с трудившимся в той же редакции Дмитрием Камориним. Недовольная правкой своих материалов редактрисой Анжелой Черных, Александра затем перешла в «Ордатовскую неделю», где не ужилась по той же причине. После чего она уехала в Москву с намерением работать в столичной журналистике.

Амбициозные стремления Александры не слишком соответствовали её объективным данным. И дело было не в отсутствии журналистского образования и даже не в недостатке грамотности, из-за чего, к примеру, в предлоге «несмотря» она писала «не» отдельно. Её отличала тяга к пышному, многословному стилю с обилием красочных выражений, метафор, сравнений и реминисценций, что мало подходило для большинства изданий, в особенности тех, где многие публикации были заказными, платными и каждый квадратный сантиметр полосы подлежал строгому учёту. Но главная беда была в её преувеличенном мнении о своих способностях, из-за чего она слишком полагалась на свою интуицию при выяснении сути описываемых событий и слишком рьяно отстаивала свои сомнительные словесные «перлы», когда те не нравились редакторам. При всём том журналистское дарование, пусть небольшое и необработанное, у неё всё же имелось. Она подошла бы для маленькой местной газеты с терпеливым редактором, лучше всего немолодым мужчиной, но её тянуло в столицу, в большую журналистику. Уступая упорству странной сорокалетней дебютантки, её принимали на работу в трёхстепенные столичные СМИ, внештатную или с испытательным сроком. Но добиться того, чего она больше всего желала и с чем связывала главные свои надежды на успех в столице, –

аудиенции у «великой» Полины Бреус и попадания в штат «Слухов Москвы», – ей так и не удалось.

А между тем именно Полина Бреус была её кумиром, именно по её примеру она хотела выступать перед большой аудиторией на острые политические темы. Бреус поразила её тем, как вольно и дерзко можно говорить даже о первых лицах государства, называя их власть, то ли в шутку, то ли всерьёз, «кровавым режимом», и при этом быть уверенной в том, что ничто не заглушит её голос, проникающий под каждую кровлю в бесчисленных российских градах и весях, и что ничего ей за это не будет. Александра поверила не столько в то, о чём говорила Бреус, сколько в то, *как* она говорила, – с ехидной, полублатной интонацией то ли прожжённой плутовки, всезнающей базарной бой-бабы, то ли девочки-оторвы из подворотни, с характерным смачным причмокиванием губками и резкими, глумливыми выражениями в адрес власть предержащих. Ведь Александра сама признавала себя такой или, вернее, хотела быть такой и сама любила ввернуть при случае крепкое словцо.

Если власть допускает, чтобы о ней говорили таким образом, значит она действительно слаба и порочна – в этом Александра была совершенно уверена. И ей очень захотелось поучаствовать в деле устранения такой власти, казавшемся очень верным и благородным, попасть в ряды тех, кого либеральная пресса заискивающе именовала «креативным классом», возвыситься над миллионами остальных россиян. Она стала ходить на «белоленточные» митинги и шествия и на них окончательно уверилась в правоте назревавшей «белой революции», увидела в лице предводителя «белоленточной» толпы господина Надильного настоящую власть, вот-вот готовую утвердиться в этом качестве. Этот либеральный кумир, этнический украинец со смазливой средневропейской внешностью, который мог бы сойти за чеха, немца и даже еврея-ашкенази, чем-то похожий на американского актёра Джерарда Батлера, такого убедительного в ролях героев-бунтарей в фильмах «Робин Гуд» и «Проповедник с пулемётом». Похожий, может быть, умением придавать своему взору выражение одновременно проникновенное и жёсткое, подобающее вождю мятежа. Надильный поразил её угрозой повести толпу на Кремль. Сильное впечатление произвело на неё и то, как телохранители кумира отшвырнули, точно котёнка, её коллегу – нехстати сунувшегося репортёра. «Вот так ведёт себя настоящая власть, которая не стесняется дать окорот враждебным писакам!» – решила Александра.

В памятный для многих день 6 мая 2012 года Александра пришла с видеокамерой на Болотную площадь, где оказалась в самой гуще толпы, навалившейся на линию оцепления. Кто-то из своих, из толпы, ненароком толкнул её руку с видеокамерой, которую она держала у лица, непрерывно снимая происходившее, и тяжёлый аппарат ударил её по лицу. Из рассечённой ударом венозной жилки возле левого глаза сразу обильно потекла кровь. Сосед из толпы попытался вытереть ей лицо листовкой, но кровь всё шла. Несмотря на это, Александра продолжала снимать. Впрочем, в её объектив в тот день не попало ничего интересного, кроме группы странных молодых людей в одинаковых чёрных куртках с капюшонами, бросавших дымовые шашки. Она решила, что это провокаторы, но не могла понять, кто же вывел их на площадь. Они вполне могли быть сторонниками леворадикального лидера Удальцова, который считался главным организатором мероприятия, членами одной из руководимых им организаций – «Левого фронта» или «Авангарда красной молодёжи». На следующий день она выложила кадры из снятого ею видео в своём «живом журнале».

В числе этих кадров оказалось и фото-«селфи» самой Александры. Изображение молодой женщины с тонким окровавленным лицом на фоне толпы демонстрантов стало на короткое время популярным в либеральной тусовке, но известности Александре не принёсло. Правда, в пору безденежья один прежде незнакомый ей читатель её «живого журнала», узнав о её ситуации, предложил небольшую помощь – две тысячи рублей. Тем не менее она с гордостью вспоминала о том дне: тогда она почувствовала себя нераздельной частью большой массы людей, объединённых общей целью, «солдатом революции».

Она вспоминала обо всём этом и в печальное утро своего последнего рабочего дня в столице, уже предчувствуя, что не сегодня-завтра ей в очередной раз придётся стать безработной. Предчувствие не обмануло её. Сразу после обеденного перерыва её вызвал к себе в кабинет заместитель главного редактора Тугаринов, предложил сесть и, глядя не на неё, а на какую-то точку на своём столе, сказал:

– Мы благодарны вам за ваше усердие, Александра Викторовна, но вы нам не подходите.

После этих слов он бросил на неё быстрый косящий взгляд исподлобья, проверяя её реакцию. Александра показалась ему спокойной, поэтому, снова опустив глаза, он продолжил:

– Полагаю, вам не нужна запись в трудовой об увольнении во время испытательного срока. Нет? Тогда возьмите трудовую без записи. А расчёт у бухгалтера.

Он положил на край стола трудовую книжку и поднялся в знак окончания разговора. Она тоже поднялась, не без удивления отметив, что во время краткой аудиенции ей не пришлось произнести ни слова. Всё за неё решил и сказал этот невзрачный мужичок с уклончивым взглядом, в облике которого было что-то семинаристское: аккуратно подстриженные усы и бородка, довольно длинные волосы, зачёсанные назад, чёрный мятый костюм и серая рубашка с расстёгнутым воротом, без галстука.

Расчёт оказался невелик: всего семнадцать тысяч с «копейками». А от «зачаки», заведённой в лучшие дни, осталось лишь чуть более четырёх тысяч. Вместе этого не хватало даже на то, чтобы заплатить за квартиру, не говоря уже о жизни в Москве с её соблазнами, к которым она успела привыкнуть, вроде деликатесов из супермаркетов «Азбука вкуса». Оставалось одно: возвращаться в Ордатов. Думать о трудоустройстве в столице по одной из прежних её специальностей, в качестве программиста или рекрутера, было нельзя. Первой своей профессией она владела слабо и ушла из неё уже полтора десятилетия назад – как оказалось, бесповоротно, поскольку за прошедшее время технологии программирования шагнули вперёд, она же успела забыть и то немного, что знала. А о своей неудачной карьере в качестве рекрутера она вспоминала со слезами и стыдом. Последняя, отчаянная попытка найти в Москве хоть какую-то работу, приличную для женщины с высшим образованием, не увенчалась успехом: на вакансию оператора call-центра, отысканную в интернете, её не приняли.

Конечно, при желании она могла бы остаться в Москве в каком-то более скромном амплуа. Например, бывший любовник и владелец рекрутингового агентства Михаил Обожин занимался теперь бизнесом по доставке пиццы и во время недавней случайной встречи позвал её к себе. Причём даже не курьером, а офисным менеджером, контролирующим работу курьеров. Но она остереглась сходу соглашаться, помня предыдущую катастрофу с ним, и взяла время на размышление.

Всё взвесив, она склонилась к тому, что надо возвращаться в Ордатов. Это было трудное решение, хотя Москву она едва терпела, воспринимая огромный город как суматошный человеческий муравейник. Не любила она и москвичей, завидуя им и считая их заносчивыми. В столице ей нравились только тихие спальные окраины вроде Отрадного, отчасти похожие на микрорайоны Ордатова. Но проблема заключалась в том, что возвращение в родной город было равносильно признанию поражения. Во всяком случае, именно так будут думать все её ордатовские знакомые, для которых само по себе проживание в столице означало успех. Однако выбора не было. Не идти же, в самом деле, на стыдную для неё работу вроде сотрудницы службы доставки на дом еды из ресторанов, к тому же под началом бывшего неверного любовника...

Проститься с Москвой она решила в том месте, которое считается «знаковым» для этого города, – на Арбате. Там она любила гулять, делая при помощи смартфона снимки-«селфи» для своего «живого журнала», как бы вписывая себя в культурную и историческую среду столицы. На этот раз она сфотографировалась на фоне особняка Хитрово, где жил Пушкин, и «дома с привидениями», с которым связана какая-то романтическая легенда. Она смотрела

прощальным взглядом на неширокую улицу с разномастными дворянскими особняками и старинными доходными домами, на толпы нарядных людей, гулявших по сплошному тротуару, и чувствовала, как что-то обрывается в её душе. Когда ещё она вернётся сюда?

Внезапно к ней пришла мысль о том, что потомков живших на Арбате в дореволюционные времена нет среди тех, кто ныне гуляет здесь. Или их очень-очень мало. Это же был «спальный район» аристократической Москвы, в этих домах представители родовитых семейств ходили в халатах и пили кофе перед тем, как отправиться на светский раут или на бал. И ни Пушкин, ни Гоголь, ни Аксаков, ни Лев Толстой, жившие на Арбате или в ближайших переулках, ничего не написали о нём в своих произведениях. Во всяком случае, Александра не припоминала описаний Арбата у классиков. Эта географическая среда московского дворянского быта считалась в их пору, наверно, слишком будничной, всем известной и никому не интересной «материей». И только после революции, когда в дворянских домах были устроены коммуналки, здесь появились будущие «певцы Арбата» – дети выходцев из национальных окраин, которые в своих произведениях изобразили Арбат как некое особое, замечательное и родное для них место. Странно, что оба знаменитых «певца», литературно обозначив своё присутствие здесь и тем самым как бы «застолбив» за собой право на Арбат в качестве его законных насельников и «детей», умерли за границей: один – в Париже, другой – в Нью-Йорке. Не потому ли, что именно туда их на самом деле влекло всю жизнь? Зато теперь неподалёку находится редакция радио «Слухи Москвы», у половины сотрудников которой предки не только не жили в Москве, но и не могли покидать «черту оседлости»...

Арбат с его новодельной брусчаткой, вазонами, фонарями «под старину» и ряжеными аниматорами вдруг показался Александре огромной декорацией, и ей стало скучно. Ей захотелось домой. И так было бы хорошо, если бы её там ждала хоть какая-то работа! Прежде, чем спрятать смартфон, она отправила короткую эсэмэску Каморину, своему давнему ордатовскому знакомому и одно время даже любовнику: «Дмитрий, мне надо вернуться. Нет ли для меня в Ордатове работы?» Отправив послание, она вздохнула: на самом деле ей хотелось получить весть о таком повороте судьбы, который позволил бы ей остаться в Москве. Вот если бы о ней вспомнил кто-то из редакторов столичных изданий, в которых она пробовала работать!.. И ещё ей взгрустнулось о том, что не вернуть то время, когда она, ещё молодая, крутила любовь с Камориным...

Воспоминания о Каморине оставались в числе тех эмоциональных скреп, которые привязывали её к ордатовскому прошлому. Правда, в последнее время, живя в Москве, она не часто думала о нём, поскольку считала, что отношения с ним уже в прошлом. Но порой ей приятно было представлять себе, что вот живёт в Ордатове человек, для которого она дорога. Она сошлась с ним после начала своей работы в «Ордатовских новостях», где он в ту пору считался уже опытным сотрудником. А спустя два года бросила, когда Аркадий Пиковец позвал её в «Ордатовскую неделю». В её выборе в пользу Пиковца расчёт если и был, то лишь подсознательный, интуитивный: ведь в женскую природу заложено стремление ко всему сильному, внушающему доверие. И именно таким казался ей Пиковец, пусть уже очень немолодой и давно женатый. Изначально, сходясь с ним, она знала, что он останется в своей семье, что между ними возможна только тайная связь.

В отличие от Каморина, невысокого нервного человека без журналистского образования и настоящей журналистской хватки, которого терпели в «Ордатовских новостях», может быть, только из милости, в Пиковце ей всё казалось надёжным, основательным: высокий рост, массивный костяк, невозмутимое спокойствие уверенного в себе человека, репутация опытного профессионала и обширные связи. К таким мужчинам она льнула всегда, и лишь в отсутствие их мог привлечь её на какое-то время кто-то вроде Каморина. Но эсэмэску она отправила всё-таки именно Каморину, потому что знала: этот невзрачный неудачник всё ещё вздыхает о ней...

2

В ночь на пятницу Каморин спал плохо. В самое глухое время, около двух часов, он проснулся и затем до утра ворочался, не в силах уснуть снова. Из его головы не выходила Александра Петина, или Сандра, как в пору их любовных отношений она именовала себя в подражание голливудским героиням. На её страницу в социальной сети «вконтакте» он забрёл накануне, получив в конце рабочего дня от неё эсэмэску, и заодно просмотрел и её последние публикации, ссылки на которые выдал Google. Судя по ним, Сандра не только не сделала себе имени в столичной журналистике, но даже не сумела закрепиться надолго в каком-то издании. Её имя мелькало в разных СМИ, в основном электронных, малоизвестных. Скорее всего, она была всюду только внештатной сотрудницей, «фрилансером». Впрочем, ничего иного он от неё и не ждал.

Сандра, вопреки своему «голливудскому» имени, совсем не походила на актрису из блокбастеров, ещё меньше – на «пробивную», настырную журналистку, способную сделать карьеру в Москве: была маленькой, хрупкой, женственной, с нежным личиком, любительницей пошутить и посмеяться задорным, звонким смехом. Но чаще она была задумчивой, печальной, и именно такой осталась запечатлённой на немногих фотографиях, сохранившихся у него от поры их близости. И теперь, оглядываясь в прошлое, в те полузабытые, впустую растроченные годы, он мог отыскать там едва ли не единственное отрадное воспоминание – её образ. В это тёмное утро она снова пришла к нему в воспоминаниях, такая же, какой он помнил её по фотографиям, – красивая, нежная и печальная, уже на пороге увядания, с молчаливым вопросом в глазах: понимаешь ли ты, что я отдаю тебе своё последнее цветение, свои последние хорошие годы?

А между тем он в ту пору мало дорожил ею. Она бывала с ним нечасто, объясняя долгие разлуки необходимостью ухода за своей больной матерью. Ему казалось, что его отношения с ней – лишь замена настоящей любви, прелюдия к ней. И потому он продолжал искать что-то лучшее, в том числе при помощи объявлений о знакомстве. Однажды прямо из постели с ней он заторопился на свидание с другой, которая, точно в насмешку, не пришла. А теперь он видит, что годы прошли, а никого лучше Сандры в его жизни не было. Да и не будет, наверно.

В половине шестого его мобильный телефон разразился резкими сигналами будильника, и волей-неволей он поднялся, чтобы прекратить эти отвратительные звуки. Сразу после этого он засобиравшись в дорогу: предстояло по заданию редактрисы «Ордаповских новостей» ехать в пригородный посёлок Оржицы, где на консервном заводе губернатор проводил совещание местных товаропроизводителей. Без четверти восемь он подошёл к зданию областной администрации. Там возле колонн дорического портика уже маячила Маша Вострикова из пресс-службы: рыжие волосы, волной ниспадающие на воротник чёрного приталенного пальто из неопрена, оранжевый шарфик под цвет волос, прижатая к груди папка со списком участников и хитрый взгляд с прищуром, выскивающий в толпе прохожих участников мероприятия. Хотя Каморин не входил в журналистский губернаторский пул и на губернаторские выезды попадал изредка, Маша сразу узнала его, приветливо замахала рукой и показала на серую «Газель», стоящую на обочине неподалёку. Садясь в машину, Каморин подумал о том, что Маше мудрено было не узнать его – полуседого, с одутловатым лицом и толстыми линзами очков. Из других редакций на подобные выездные мероприятия, по которым нужно спешно отписываться в ближайший номер, обычно посылали кого-то помоложе.

В машине уже сидели пять журналистов, в том числе двое телеоператоров с видеокамерами и штативами к ним, разложенными в проходе. Осторожно, чтобы не задеть аппаратуру, Каморин пробрался на одно из самых дальних мест. Журналисты, все люди молодые, оживлённо переговаривались, а Каморин лишь прислушивался к их разговору, чувствуя себя чужим этому «племени младому, незнакомому», к тому же более успешному, чем он сам – предста-

витель непопулярного, мало кому известного частного издания. К восьми подошли ещё трое, а ровно в восемь в двери «Газели» показалась Маша, оглядела собравшихся и скомандовала водителю:

– Едем!

Маша раздала журналистам пресс-релиз, из которого они узнали, что Оржицкий консервный завод лидирует в регионе по выпуску томатной пасты, лечо, кабачковой икры, кетчупов и соусов. Это производство способно переработать в икру шестьдесят тонн кабачка в сутки, а за сезон – три тысячи тонн. Всего же предприятие пропускает через себя в год семь тысяч тонн овощей.

Пока журналисты вникали в пресс-релиз и придумывали вопросы, которые следует задать руководству завода, «Газель» выбралась из лабиринта городских улиц и выехала на загородную трассу. За окнами потянулись поля рыжевато-бурой стерни, перемежавшиеся с тёмной, припудренной инеем, зеленью озимых посевов. Каморин скоро задремал, прислонив голову к холодному оконному стеклу, и стряхнул дремоту только минут через сорок, когда машина остановилась на просторном заводском дворе и его спутники начали выбираться наружу.

Исполнительный директор завода Александр Саматов, приземистый, плотный, с плешью до темени, встретил журналистов улыбками, но пройти в помещение не пригласил. Все поняли: нужно дождаться губернатора. Журналисты с удовольствием втягивали густые пряные ароматы, доносившиеся из заводских корпусов, предвкушая получение вкусных «сувениров», и расспрашивали Саматова об успехах предприятия. Тот отвечал скупко, посматривая на ворота, через которые с минуты на минуту должен был въехать губернаторский кортеж. Рядом с Саматовым были два его заместителя, десятка полтора участников предстоящего совещания и один человек из пишущей братии, приехавший на своей служебной машине раньше коллег, – главный редактор «Вечернего Ордатова» Аркадий Пиковец, лишь недавно назначенный на эту должность. Губернатор подъехал через пять минут на чёрном автомобиле Mercedes-Benz в сопровождении свиты на второй такой же машине. При виде хозяина телеоператоры и фотокорреспонденты встрепенулись и нацелили на него свою аппаратуру. Каморин, совмещавший обязанности пишущего журналиста и фотокорреспондента, тоже защёлкал фотоаппаратом.

Губернатор Анатолий Горбонос, выйдя из машины, победительно улыбнулся, привычно готовый обаять каждого, особенно женщин, своей унаследованной от предков казацкой статью и мужской красотой сухой, породистой головы – седовласой и седоусой, с чёрными густыми бровями. Но улыбка быстро слетела с его губ, когда он увидел, что встречают его только кучка людей, толпившаяся на фоне невысоких корпусов из силикатного кирпича с частыми бельмами заложённых окон. Очевидно, даже ради дорогого гостя директор не счёл нужным прерывать производственный процесс и выводить коллектив во двор.

Лицо губернатора стало озабоченным. Чтобы скрыть досаду, он пробормотал: «Ну покажите, что тут у вас хорошего», – поскольку знал, что экскурсия по заводу включена в заранее согласованную программу мероприятия. Директор повёл всех к одному из корпусов, где перед входом каждому вручили накидки из голубоватого прозрачного пластика и такие же шапочки. Переступив порог, гости оказались на отгрузочной площадке, где громоздились штабеля поддонов, уставленных стеклянными банками с овощными консервами. Губернатор заулыбался одобрительно при виде такого изобилия и благословляющим жестом прикоснулся к банкам. Затем все проследовали в кетчупный цех и начали знакомство с ним с варочного отделения, где всё, как в бане, обволакивал туман из горячего пара. В основной части того же цеха было светло и почти безлюдно: там работали автоматические линии под управлением нескольких наладчиков.

Каморин шёл следом за директором и прислушивался к его разговору с губернатором. Речь шла о том, что заводу трудно с закупкой сырья. Чтобы работать не в убыток, кабачки нужно закупать по цене три с половиной рублей за килограмм, тогда как предприятия дру-

гих регионов платят за килограмм пять рублей. Так что местные сельяне если и выращивают этот овощ, то стараются сбывать его за пределами области. Не так-то просто закупать и другое сырьё, например сладкий перец, потому что первый, летний, сбор его идет в магазины и на рынок, где цена выше и плата наличными. А завод наличными платить не может. Поэтому для него сезон переработки перца начинается только в середине сентября. Но в этом году третьего октября случились заморозки на почве, и еще не убранный урожай погиб. Вот почему переработать запланированное количество перца предприятие не сможет...

Губернатор спросил о численности работающих. Оказалось, ныне, в самый разгар сезона переработки, на предприятии трудятся триста двадцать человек. Если объем товарной продукции за год, – а это шестьсот миллионов рублей, – разделить на число работающих, то на каждого получится почти два миллиона рублей.

– Это мало, потому что и самый хреновый крестьянин столько производит, в среднем же больше – на пять-десять миллионов рублей, – пробасил губернатор, с явным удовольствием ввернув мужицкое просторечие.

– Нужно учитывать, что у нас сезонный характер работы, – заметил директор. – Вот переработаем к зиме всё закупленное сырьё и закроемся до следующего сезона.

– О ваших проблемах с сырьём мы поговорим на совещании, – пообещал губернатор. – Как раз для решения их нами предлагается специальная программа.

Другие производства директор счёл, по всей видимости, недостойными показа, и по завершении осмотра кетчупного цеха экскурсия закончилась. Все вышли во двор, где под открытым небом состоялась краткая пресс-конференция. Губернатор торопливо раскрыл журналистам суть новой программы поддержки производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции за счёт средств областного бюджета. Идея этого начинания заключалась в поощрении кооперации предприятий аграрно-промышленного комплекса через предоставление их объединениям в виде кооперативов бюджетной поддержки – грантов и субсидий. В областной администрации полагали, что благодаря этому все заинтересованные стороны решат свои проблемы: производители сельскохозяйственной продукции получают её гарантированный сбыт, переработчики будут надёжно обеспечены сырьём, финансовые организации смогут увереннее кредитовать тех и других, областная же администрация, под эгидой которой всё это будет происходить, получит возможность более эффективно контролировать местную экономику к выгоде для всего региона.

– Рубль, вложенный в производство, как минимум пятью рублями вернётся в бюджет со всех этапов производства, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции, – уверенно заявил губернатор. – Для нас такая схема финансирования отрасли через кооперативы будет прозрачная. Рассчитываем привлечь к этому банки. Мы продотируем расходы на заготовку сельскохозяйственной продукции и финансировать будем исключительно под контракт, под накладные.

Губернатор говорил ещё о том, что «склады нужны обязательно», и обещал хозяйствам возместить из бюджета половину средств, которые они затратят на строительство хранилищ. Их в регионе хватает для хранения лишь ста пятидесяти тысяч тонн овощей и фруктов, тогда как одних овощей произведено в этом году один миллион тонн, в том числе триста девяносто тысяч тонн – крупными хозяйствами. Недостаточны и мощности местных предприятий, которые ныне перерабатывают в год только около тридцати тысяч тонн овощей – вдвое меньше, чем в советское время. Предвосхищая вопрос о том, куда сбывать консервную продукцию, губернатор заявил:

– Местные предприятия аграрно-промышленного комплекса мы рассчитываем привлечь к обеспечению продуктами питания больниц и школ. Ныне на питание в учреждениях так называемой закрытой социальной сети областная казна ежегодно тратит один миллиард рублей. Мы хотим, чтобы этот миллиард обязательно вернулся в бюджет. А для этого нам нужно,

чтобы сельхозтоваропроизводители, переработчики и пищевики были наши. Им следует объединиться в кооперативы. Кооператив, который представит на тендере широкий ассортимент, победит и отыграет справедливую цену.

Взглянув на часы, губернатор предложил задавать вопросы. Журналисты правильно поняли начальственный жест и вопросов задали совсем немного. После чего губернатор отбыл на совещание, на которое журналисты приглашены не были. Не вручили им и вкусных «сувениров», отчего почти каждый из них был разочарован. Впрочем, фотокорреспонденты были довольны и тем, что им разрешили сделать общее фото участников совещания за большим столом в конференц-зале здания заводоуправления.

Каморин сделал два снимка в конференц-зале и собирался покинуть мероприятие, тоже испытывая разочарование, но только не из-за отсутствия угощения. Ведь вся интрига была в том, как ответят хозяйственники на предложение областной власти, какие аргументы с обеих сторон прозвучат, о чём им удастся договориться! Но журналистов без церемоний выставили за дверь. Что, впрочем, было совсем не удивительно: ведь все приглашённые должны были написать заказные материалы на основе лишь той дозированной информации, которую им дали. Пресс-службе администрации области требовались только трёхминутные сюжеты на местных телеканалах и краткие сообщения в газетах о новых инициативах губернатора.

Уже подходя к «Газели», Каморин почувствовал, что сзади кто-то коснулся его плеча, и обернулся. Перед ним стоял Аркадий Пиковец. Усталый взгляд, резкие складки, идущие от носа к уголкам губ, изрытый морщинами лоб, плешь над ним, прикрытая седым зачёсом, высокий рост и довольно плотное сложение – все эти телесные признаки Пиковца сразу выделяли его в толпе местных журналистов, большей частью молодых особ женского пола. Оба они, Каморин и Пиковец, примелькались на разного рода мероприятиях для прессы, раза два коротко переговаривались и кивали друг другу при встрече, считая себя знакомыми. Хотя это, конечно, было только так называемое шапочное знакомство. При виде Пиковца Каморин не раз думал о том, что такому старику пора бы уж выйти в начальство и посылать на пресс-конференции и брифинги кого-то помоложе. Впрочем, то же самое мог бы думать и сам Пиковец про Каморина.

– Давайте поедем на моей машине и поговорим по дороге, – предложил Пиковец, слегка улыбнувшись.

От разговора, предложенного старшим коллегой, отказаться было просто неудобно, к тому же предоставлялась возможность замолвить слово о Сандре, поэтому Каморин согласился не раздумывая. Оба направились к машине, на которой приехал Пиковец, – то была «Лада-Приора» серого цвета с водителем за рулём. Журналисты сели сзади, чтобы им удобнее было разговаривать. Каморин подумал о том, что Пиковец выбился в начальники и предстоящий разговор как-то связан с этим новым назначением коллеги. Пиковец тотчас подтвердил эту догадку.

– А я теперь главный редактор в «Вечернем Ордатове». Ещё не слышали об этом?

– Не доводилось.

– Прежнего, Бакуркина, сняли через два дня после отстранения мэра Лемзякова. Вы же знаете, что Бакуркин активно участвовал на стороне Лемзякова в информационной войне против губернатора.

– Как же не знать!

– Теперь приходится расставаться и с наиболее рьяными соратниками Бакуркина внутри редакции, а на их места приглашать новых сотрудников. В связи с чем у меня к вам предложение перейти к нам. Что скажете?

– Да я же стар, поэтому хотелось бы работать спокойно на одном месте. Как говорится, коней на переправе не меняют.

– Сколько же вам?

– Пятьдесят в этом году стукнуло. В таком возрасте не хочется перемен.

– В самом деле так чувствуете? Ну тогда это серьёзно! Это значит, что вы действительно состарились. Только не обольщайтесь насчёт того, что в «Ордатовских новостях» вам дадут спокойно доработать до пенсии. Дела у вашей газеты не блестящи...

Пиковец поскуучнел. Тот вопрос, который он собирался обсудить с Камориним, оказался исчерпанным, и теперь он не знал, о чем ещё говорить с ним. Конечно, настаивать на переходе Каморина, обещая ему спокойную жизнь в «Вечернем Ордатове», было нельзя. Какая уж там спокойная жизнь в условиях, когда любой газете приходится бороться за выживание! Буквально на глазах, с катастрофической скоростью, менялся рынок масс-медиа, читатели всё больше уходили в интернет, а следом за ними устремлялись и рекламодатели. Как бы угадав его мысли, Каморин заговорил именно об этом, наболевшем.

– Так ведь и у вас дела не блестящи. Читатели всех бумажных газет вымирают. А из молодых, продвинутых кто полезет искать электронную версию «Вечернего Ордатова», когда в интернете так много разных соблазнов? Голомазов – знаете такого? он ещё пытался издавать маленькую газету для бухгалтеров – как-то поделился со мной своим профессиональным видением проблемы: в Ордатове восемьдесят шесть газетных киосков, и в каждом покупают газет одного наименования от двух до десяти экземпляров, за исключением, конечно, «Комсомолки». Получается, что в розницу уходит в лучшем случае пятьсот экземпляров каждого выпуска. Откуда же тогда берутся официальные многотысячные тиражи у местных изданий? Ведь подписки у всех кот наплакал.

– Газеты распространяются ещё по договорам об информационной поддержке с разными организациями...

– Да, это когда пачки номеров штабелями выкладываются на проходной или в приёмной, и предполагается, что кто-то их берёт и читает. Хотя в этом можно очень сомневаться. Короче, многотысячные тиражи местных изданий – это фикция, приманка для рекламодателей. И если вам в этом отношении легче, чем нам, то лишь потому, что «Вечерний Ордатов» – муниципальная газета и может рассчитывать на субсидию из бюджета, а также на распространение по муниципальным организациям и библиотекам. Но читателей вам это особенно не прибавляет.

– Экий вы пессимист! – засмеялся Пиковец, желая обратить сказанное собеседником в шутку. – Непонятно, как с таким настроением вы работаете в газете. А я-то думал, судя по вашему блогу, что вы бодрый участник всего позитивного, что происходит в стране.

– Что же такого позитивного вы видите вокруг? Может быть, это последняя инициатива губернатора? Кстати, что вы думаете о ней?

– Думаю, что сельским товаропроизводителям не резон объединяться в кооперативы с местными переработчиками, привыкшими платить за сырьё значительно меньше, чем покупатели из других регионов. Учтём и то, что речь идёт о судьбе мизерной части урожая овощей в нашей области – около трёх процентов. К существенным сдвигам это не приведёт, в лучшем случае лишь поможет обеспечить местные детские дома, интернаты для инвалидов и другие богоугодные заведения дешёвыми овощными консервами.

– И заодно даст областным чиновникам возможность поруководить не только социальными учреждениями, но и предприятиями реальной экономики. Это при условии, что кто-то из сельских руководителей купится на посулы и согласится войти в кооперативы с переработчиками и банкирами. Так в чём же позитив?

– Я имею в виду то, что после всеобщего раздора и хаоса девяностых страна с началом нового века успокоилась и стала налаживать свою жизнь. Усмирили и сепаратистов, и олигархов, повысили рождаемость, укрепили армию, улучшили положение бюджетников. Да вы же сами всё это видите и знаете! Вы же так горячо выступили в своём блоге против «белой революции»!

– Да, мне противно, когда толпа столичных хипстеров пытается говорить от имени чуждого им народа и отменить итоги общероссийских выборов. Ведь это уже было, и мы знаем, к чему это привело! Большевики в семнадцатом году захватили власть, не дожидаясь выборов в Учредительное собрание, а когда оно двенадцатого ноября было всё-таки избрано и большевики оказались там в меньшинстве с двадцатью четырьмя процентами голосов, они разогнали его. Власть оказалась в руках людей, совершенно чуждых подавляющему большинству населения России. Они устроили грандиозный погром российского народа, в первую очередь крестьянства, растянувшийся на двадцать с лишним лет.

– Вы помните эти даты и проценты? – спросил удивлённо Пиковец, повернув голову и всматриваясь в лицо Каморина.

– Выучил в своё время, будучи историком по образованию, к тому же выборы в Учредительное собрание и его разгон – это роковые события для всех россиян. Они отразились на судьбе каждой семьи и в немалой мере предопределили судьбу каждого россиянина ещё до его рождения. В тридцать седьмом году были расстреляны мой родной дед по матери вместе со своим старшим сыном, а также двоюродный прадед по отцу – все бывшие крестьяне, раскулаченные и вынужденные покинуть родные сёла. Кстати, этот двоюродный прадед был воспитателем моего родного деда по отцу из-за ранней смерти своего брата, моего родного прадеда. В какой другой стране возможно подобное число жертв режима в родне одного человека? Притом в «просвещённом» двадцатом веке, в «самом справедливом обществе»! А ныне вперые за всю историю России у нас есть власть, свободно избранная большинством народа, которая настолько демократична, что терпит и злобную оппозицию, к примеру на радио «Слухи Москвы», передачи которого ретранслируются во всех крупных городах. Будь президентом я, прикрыл бы это подрывное радио, потому что оно объявляет российскую власть нелегитимной, а во время провалившейся «белой революции» звало людей на уличные акции, то есть на беспорядки! Молодчик во главе уличной толпы грозился даже повести её на Кремль!

– Да, это радио подрывное и русофобское, – согласился Пиковец, тоже заметно волнуясь. – Что не случайно. «Страшно далеки они от народа», как говорил основоположник. Достаточно заглянуть в «Википедию», чтобы убедиться в этом. У самых известных сотрудников этого радио родители и другие ближайшие родственники в советское время преуспевали, занимали номенклатурные посты, а то и служили в карательных органах. Я уже не говорю о праве многих из них на зарубежную репатриацию.

– И самая неистовая из них – Полина Бреус, современная Брешко-Брешковская, «бабушка» несостоявшейся «белой революции»!

– Ну не стоит преувеличивать её роль. Хотя вещает она еженедельно по часу, вы почти ничего конкретного из её речей не припомните, не так ли? Вы же не будете вникать в её конспирологические хитросплетения, проверить которые на вашем уровне невозможно. Тем более, что вы понимаете, что она руководствуется правилом: «всякое лыко в строку». То есть всё подтасовывает и извращает таким образом, чтобы опорочить российскую власть. От её передач остаётся в памяти только ехидная интонация. Это всего лишь упражнения в искусстве злословия, смесь полуправды с многозначительными намёками на несуществующие обстоятельства и прямой лжи. Вот, к примеру, она постоянно твердит о российской агрессии на Украине, а мы видим на телеэкранах мирные города и сёла Донбасса, которые разрушаются украинской артиллерией. Мы понимаем, что если бы наша армия действительно вмешалась в эту ужасную ситуацию, то от бандеровской хунты не осталось бы и мокрого места! Но чёрт с этой Бреус! По-настоящему плохо то, что ту же самую русофобскую, прозападную пропаганду, только не столь явную, распространяют и все так называемые оппозиционные СМИ. Что и неудивительно: практически все они в своё время вышли из карманов олигархов, ориентированных на Запад, как орудия борьбы за власть. И хотя олигархов давно «ушли» из политики, эти СМИ остались

верны своему прозападному пропагандистскому амплуа. Они подхватывают все аргументы западной антироссийской пропаганды и дополняют их собственными спекуляциями.

– Но кое-что в речах Бреус всё-таки врезается в память. Вы не заметили, как часто она предаёт анафеме всеобщие равные и прямые выборы? Мол, пока их не ввели в Англии и других ведущих странах, там всё было благополучно, всё укреплялось и динамично развивалось. А ныне Европа с её всеобщими выборами катится в бездну. Это вроде постоянного призыва Катона Старшего: «Карфаген должен быть разрушен».

– Заметил. И это, на мой взгляд, замечательно! Устами Бреус так называемая «либеральная оппозиция» призывает россиян к ограничению избирательного права, в сущности к диктатуре! Это равнозначно признанию того, что суть конфликта власти и оппозиции не в якобы произошедшей фальсификации выборов, а в стремлении оппозиции вообще отменить в России всенародные демократические выборы, победить на которых она и не рассчитывает. Впрочем, в последнее время Бреус значительно реже бранит всеобщие выборы, что и понятно: подобные высказывания не так актуальны, как в пору «белоленточных» митингов. Тогда она фактически подстрекала хипстеров к протестам против результатов выборов, то есть к массовым беспорядкам.

– А я в последнее время просто перестал слушать Бреус из-за её глумления над христианством. Но я заметил другое: к красноречию бабушки «белой революции» особенно восприимчива вполне определённая публика: это интеллигентные люди без гуманитарного образования, особенно без хорошего знания российской истории. Чаще всего это обычные технари, которые не понимают, как драгоценен и хрупок дар свободы, которой у России не было никогда за всю её тысячелетнюю историю, за исключением последних десятилетий. И чаще это жители Москвы и Петербурга, которые не знают положения в провинции, где позиции коммунистов всё ещё сильны, особенно в депрессивных регионах. Ведь у нас, в богоспасаемом Ордатове, до самой кончины в прошлом году принимала народ в своей приёмной в здании областного краеведческого музея депутат Государственной Думы от коммунистов неслгибаемая Валентина Кандаурова. Та самая, что страшила земляков: «Мы всё видим, кто как ведёт себя в нынешнее смутное время, и затем спросим с каждого». То есть, мы ещё вернёмся к власти и призовём вас к ответу за то, что вы делали при проклятых капиталистах!

Пиковец при этих словах с удовольствием рассмеялся, как от хорошей шутки.

– И эта Кандаурова знала, о чём говорила! – продолжал Каморин с нарастающим жаром. – У её партии в регионе самые развитые организационные структуры и самый дисциплинированный электорат. Более того, здесь и старые номенклатурные кадры КПСС, пусть поредевшие и перекарасившиеся, всё ещё на властных постах. Помните, как шутили при Горбачёве: «Перестройка – это как буря в тайге: верхушки шумят, а внизу тихо». У нас, в Ордатове, не только в перестройку, но и во все постсоветские годы было сравнительно тихо, и в этой тишине прекрасно сохранился старый советский аппарат. Конечно, старые чиновники уходили на покой, но им на смену приходили их отпрыски. Сложились настоящие кланы чиновников, воспитанных на старых традициях. Здесь в любой день готовы вернуть советское прошлое во всей его красе. Это в принципе вполне возможно. Ведь многие жители региона недовольны своим положением, потому что их доходы по сравнению с московскими нищенские, а сравнительно успешных предприятий вроде консервного заводика, на котором мы были, у нас раз-два и обчёлся. И то же самое почти повсеместно в провинции. Так что если в центре и случится «белая революция», то либеральные вожди власть едва ли удержат. Скорее всего, повторится то, что уже было в семнадцатом году.

– Пожалуй, вы и в меня метите! – снова засмеялся Пиковец. – Я ведь тоже бывший коммунист, стало быть, «перекарасившийся»!

– Я вас не виню, потому что такова жизнь: желавшие иметь надёжное будущее в советское время шли в коммунисты, а теперь такие идут в чиновники. Наверно, современные чиновники

всё же немного лучше прежних, советских. Река жизни течёт неторопливо, новое прививается медленно, и должно смениться ещё не одно поколение, чтобы сознание людей совершенно изменилось и возвращение к тоталитарному прошлому стало невозможно. Всё будет хорошо, если только политические авантюристы от оппозиции не прервут это плавное течение.

– Сил у них на это не хватит, хотя злости им не занимать. Если только не вмешаются внешние силы... На днях мне попалась на глаза редкостная по откровенной русофобии статья одного современного либерала под названием «В стране победившего ресентимента», которая меня настолько поразила, что я скачал её себе на планшет. Сейчас я её открою. Вот послушайте, что он пишет: «Одна из поражающих метаморфоз российского общества связана с вулканическим ростом агрессивности одновременно с отказом от признания реальности, погребённой в одночасье под идеологическими фикциями. Объяснить это явление непросто. Его часто списывают на беспрецедентную обработку масс телевизионной пропагандой. Официальная пропаганда многое объясняет, но далеко не всё. Не всякое общество может быть распропагандировано в такие короткие сроки и до таких эксцессов. Чтобы пропаганда была эффективной, она должна отвечать бессознательным устремлениям населения. Мне кажется, что для анализа трансформации массового сознания может быть полезен Ницше и его размышления о ресентименте».

– О чём? – переспросил Каморин.

– О ресентименте. Далее в статье говорится как раз об этом: «Ницше считает ресентимент чувством, характерным для морали рабов, которые в силу своего положения ничего не могут изменить в мире. Это восстание воображения против реальности, не чуждое и некоторого своеобразного творческого начала...» И затем автор приводит цитату из сочинения Ницше под названием «К генеалогии морали»: «Восстание рабов в морали начинается с того, что ресентимент сам становится творческим и порождает ценности: ресентимент таких существ, которые не способны к действительной реакции, реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстью». Каково, а? Это же как надо не любить россиян, чтобы объявлять их рабами!

– В пылу вдохновенного гнева это позволяли себе и русские гении, к примеру Лермонтов. Но зачитанная цитата звучит как-то слишком рассудочно, без намёка на поэтическое увлечение. Хотя из неё всё же не совсем ясно, что такое ресентимент.

– Знаете, я и сам этим заинтересовался. Просмотрел «К генеалогии морали», где Ницше употребляет это слово во французской транскрипции без перевода. Что объясняется, как я понял, отсутствием точного аналога его в немецком языке. И на русский «ресентимент» нельзя перевести кратко и однозначно, в франко-русских словарях указывается целый ряд его значений: это и «недовольство», и «возмущение», и «негодование», и «обида», и «ненависть», и «неприязнь», и «сожаление», и «разочарование». Так оно и есть на самом деле: когда нас обидели, нас охватывает не одно лишь чувство разочарования или возмущения, а множество сходных чувств, перетекающих одно в другое. Порой это ненависть, порой негодование, а когда эти сильные чувства остывают, появляются сожаление и неприязнь к обидчику. Но стоит неприятным воспоминаниям усилиться, как сожаление перерастает в возмущение. То есть это стусок чувств, способных беречь душу годами, а то и десятилетиями.

– Не совсем понятно, какое отношение это имеет к злобе дня.

– О, самое прямое. Автор той же статьи далее пишет следующее: «Авантюра на Украине стала благородной войной против воображаемых фашистов, изоляция России – её утверждением в ранге великой державы, упадок экономики и падение доходов – ростом благосостояния и счастья. И даже люди, далекие от фантазмов ресентимента, но напуганные ураганом происходящих изменений, которые они не в силах предотвратить, систематически пытаются отрицать реальность происходящего или хотя бы закрыть на неё глаза».

– Как странно, что либералы вытащили замшелого Ницше, на которого ссылался Гитлер...

– Да, мне это тоже показалось странным, поэтому из того же сочинения «К генеалогии морали» я надёргал несколько любопытных цитат. Там Ницше дал следующее определение благородных, по его мнению, людей, не знающих ressentiment: «... те же самые люди, которые *inter pares* столь строго придерживаются правил, надиктованных нравами, уважением, привычкой, благодарностью, ещё более взаимным контролем и ревностью, которые, с другой стороны, выказывают в отношениях друг с другом такую изобретательность по части такта, сдержанности, чуткости, верности, гордости и дружбы, – эти же люди за пределами своей среды, стало быть, там, где начинается чужое, чужбина, ведут себя немногим лучше выпущенных на волю диких зверей. Здесь они смакуют свободу от всякого социального принуждения; в диких зарослях вознаграждают они себя за напряжение, вызванное долгим заключением и огороженностью в мирном сожительстве общины; они возвращаются к невинной совести хищного зверя как ликующие чудовища, которые, должно быть, с задором и душевным равновесием идут домой после ужасной череды убийств, поджогов, насилий, пыток, точно речь шла о студенческой проделке, убеждённые в том, что поэтам надолго есть теперь что воспевать и восхвалять. В основе всех этих благородных рас просматривается хищный зверь, роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы белокурая бестия...» Слышите: Ницше восславил «белокурую бестию», а наш либерал, между прочим, носит фамилию, производную от названия западно-украинского городка в бывшей черте оседлости!

– Хороши идейные корни российского либерализма!

– В том же сочинении Ницше утверждал также, что иудаизм и христианство родились из ressentiment, из рабских чувств, а совесть объявил «нечистой» и объяснил её происхождение насилием. Цитирую: «Те грозные бастионы, которыми государственная организация оборонялась от старых инстинктов свободы, – к этим бастионам относятся прежде всего наказания – привели к тому, что все названные инстинкты дикого свободного бродяжного человека обернулись вспять, против самого человека. Вражда, жестокость, радость преследования, нападения, перемены, разрушения – всё это повёрнутое на обладателя самих инстинктов: таково происхождение «нечистой совести». И на этого автора, отрицавшего мораль, религию и закон, ссылаются современные российские либералы!

– Жаль, что обо всём этом вы не напишите в «Вечернем Ордатове».

– Что делать, муниципальной газете положено заниматься только местными проблемами. Но вы раньше поднимали подобные темы в своём блоге. Отчего больше не ведёте его?

– Ну видите ли, «Ордаповские новости» желают быть предпринимательской газетой, а некоторым предпринимателям не нравились мои выступления против либералов. К тому же я высказывал в своём блоге и другие еретические мысли, например, о том, что малый бизнес производит нищих пенсионеров, которыми становятся сотрудники, получающие зарплату «в конвертах», а также загородные дворцы, или коттеджи, которыми считают своим долгом обзавестись все хотя бы мало-мальски успешные предприниматели, и что эти «продукты» взаимосвязаны. Мне настоятельно было рекомендовано не высказывать подобные идеи на сайте газеты, а завести для этого собственный «живой журнал».

– Жаль, что теперь практически никто из местных журналистов не поднимает вопросов общероссийского значения.

– Это не совсем так. Александра Петина пытается делать это в своём «живом журнале».

Каморин вдруг почувствовал, что Пиковец напрягся. Это чувство было совершенно отчётливым, хотя ничто как будто не изменилось в позе спутника: его голова по-прежнему была слегка повёрнута в сторону Каморина, как это подобает учтивому собеседнику, а недрогнувшие руки продолжали держать планшет с уже погасшим экраном. Но спустя миг боковым зрением Каморин уловил, что Пиковец взглядывает в него, прямо-таки сверлит его встрево-

женным, косящим взглядом. Чтобы проверить своё впечатление, Каморин замолчал, почти не сомневаясь в том, что Пиковец сейчас переспросит.

– Александра Петина? – в самом деле спросил Пиковец, и в голосе его, ставшем вдруг глуховатым, прозвучала новая интонация, какой говорят с посторонним о хорошо знакомом человеке, пытаясь скрыть свои чувства. – Где она сейчас?

– В Москве. Трудится в разных СМИ, нигде подолгу не задерживаясь. Большею частью это интернет-издания, и не слишком известные, вроде портала antikorrupzia.ru. Но оттуда её, кажется, уже ушли.

Оба замолчали, взволнованные. Каморин теперь уже не сомневался в том, что у его Сандры с Пиковцем что-то было. Быть может, даже в то время, когда она встречалась с ним и смотрела на него жалобно... Если это так, то удивительно, насколько она умела быть убедительной в роли женщины, беззаветно отдававшей ему свои последние хорошие женские годы... Хотя подобная игра свойственна женщинам, они часто предаются ей бессознательно, просто вживаясь на какое-то время в придуманные роли... Зачем вообще он упомянул её? Едва задав себе этот вопрос, Каморин вспомнил то, о чём забыл во время взволновавшего его разговора: нужно предложить Пиковцу принять Сандру на работу. Она же просила похлопотать за неё...

– Кстати, она, вероятно, согласилась бы на предложение поработать в «Вечернем Ордатове», – сказал Каморин предательски дрогнувшим голосом. – В столице ей не сладко, и она спрашивала меня, нет ли для неё работы в Ордатове...

– Да? Вы думаете? А как с ней связаться?

– У неё есть страница в сети «вконтакте». Туда можно написать.

– Хорошо, я попробую. Спасибо за подсказку.

Остаток пути они доехали молча. Каждый думал о том, кем была Сандра для спутника и что сказать ей при встрече. Каморин прикинул: сколько ей теперь? Она моложе его на пять лет, значит в декабре ей исполнится сорок пять. Выходит, она «ягодка опять»... Он улыбнулся своим смутным, грешным надеждам.

3

Уже в день своего возвращения в Ордатов, успев лишь на полчаса заглянуть домой, Александра Петина явилась в кабинет Пиковца. Она поразила перемене в его облике, однако не поддала виду. Как сильно он сдал за те три года, что они не виделись: усталые глаза, обострившиеся морщины, совсем стариковский жидкий зачёс поперх розоватой плечи на темени!.. Сколько же ему? Только пятьдесят семь! А выглядит настоящим пенсионером...

Пиковец внешне сохранял как будто сдержанное спокойствие, беседуя с ней, но глаза его оживились, в них появилось что-то насмешливое, почти озорное.

– С прибытием! Ещё не разочаровалась? После Москвы здесь всё, наверно, кажется сереньким и скучным. Мышиная возня вместо политики. То ли дело в столице! Там, судя по твоему блогу, ты была активистом протестного движения.

– Протестное движение – это уже не актуально...

– Ну, не скажи. Сейчас затишье, но, к сожалению, только до очередных федеральных выборов, а они уже через год. И тогда ваша «белоленточная» тусовка снова себя покажет. Вы люди горячие. На меня произвёл впечатление тот пост, в котором ты пишешь, как омовец с дубинкой бежит тебе навстречу, оценивая тебя взглядом: заслуживаешь ли ты его внимания? Он пробежал мимо, и вместе с тобой облегчение по этому поводу испытал и я, читая блог. И тебе не страшно ходить на такие мероприятия?

– Если ты знаешь мои взгляды и не одобряешь их, почему предложил работу?

– На то есть несколько причин. Ты для меня человек не чужой, и у тебя в Москве, насколько я знаю, ничего не получается. А в «Вечернем Ордатове» некому работать. Часть

сотрудников засветилась в борьбе бывшего мэра-популиста против губернатора и потому не останется в нашей редакции. Ты же к местным склокам не причастна. А проявить себя в Ордатове в «белоленточном» качестве не сможешь, поскольку активных единомышленников здесь не найдёшь. У нас реальной оппозицией нынешней власти по-прежнему являются лишь коммунисты, которые радикальнее и злее своих московских собратьев. Для вас, либералов, нынешняя власть всё-таки ближе левых радикалов, хотя в Москве вы ходите на одни акции вместе с Удальцовым. Ведь вы же понимаете, что в случае победы радикалы очень скоро расправятся с либералами. Пора признать, что в нашей стране единственной реальной альтернативой нынешней власти является деспотический режим вроде севернокорейского, потому что либералы власть не удержат!

– Нет, я не согласна с этим.

– У тебя будет много времени обо всём хорошо подумать. А пока вот первое задание: сходи завтра в пять вечера на площадь Ленина и напиши о том, что там будет происходить. Ордатовская редакция радио «Слухи Москвы» объявила, что завтра там состоится митинг в поддержку московского «марша перемен», организуемого так называемым «комитетом протестных действий». Скорее всего, кроме коммунистов никто на площадь не придёт, потому что у либералов нет в Ордатове никакой организации. Во всяком случае, о них здесь ничего не слышно. На местных акциях, о которых до сих пор объявляли «Слухи», были замечены лишь коммунисты с кучкой сочувствующих им пенсионеров. Ты убедишься воочию в том, что у либералов нет в Ордатове никакого влияния. Отсюда следует, что на здешних выборах партия власти не «нарисовала» себе проценты. У неё тут на самом деле нет соперников, кроме коммунистов. И так повсюду в провинции. Это будет тебе уроком.

Пиковец задумался. Складки у его рта расслабились, опущенные веки почти прикрыли глаза. «Как сейчас он похож на старика!» – снова подумала Александра.

Вдруг он встрепенулся, пытливо всмотрелся в Александру и грустно улыбнулся.

– Наверно, тяжело было из Москвы уезжать? Кто-то остался там у тебя?

– Если бы кто-то был – не вернулась бы.

– Я тебя спросил об этом просто так, без расчёта... Всё, что было между нами помимо службы, – это уже в прошлом...

– Я понимаю...

– Ты по-прежнему привлекательна. Завидую тому, кого ты найдёшь. Сейчас оставь заявление и трудовую у моей секретарши и домой, отдыхай. А на работу завтра. Начни день с просмотра нашей подшивки, вечером – на мероприятие. Удачи!

Пиковец ещё раз улыбнулся ей и опустил взгляд в свои бумаги. Она торопливо вышла из его кабинета, испытывая одновременно и облегчение, и грусть, от которой хотелось плакать. Сильного, обаятельного мужчины, которого она любила, больше не было. Остался старик.

Секретарша Ольга Валерьевна, полногрудая крашеная блондинка лет сорока, занялась по указанию Пиковца оформлением трудоустройства Александры: взяла у неё трудовую книжку, помогла написать заявление о приёме и показала её рабочее место в отделе социальных проблем. Это оказалась совсем небольшая комната с двумя столами, за одним из них сидела женщина предпенсионного возраста в очках с толстыми линзами, с выражением обиды на лице и поджатыми губами.

– Это Никитина Валентина Ивановна, – сообщила секретарша Александре, не представив почему-то новенькую старой сотруднице.

Александра подумала, что дни Валентины Ивановны в «Вечернем Ордатове» сочтены, и почувствовала себя косвенно виновной в этом. С чувством неловкости она поспешила покинуть отдел, сообщив Валентине Ивановне, что выйдет на работу только завтра.

Свой первый рабочий день на новом месте Александра начала с изучения подшивки «Вечернего Ордатова». В газетных номерах преобладала бодрая информация, призванная убе-

дить читателей в процветании города. Сообщалось о том, что в Ордатове набирают кандидатов для поступления в кадетский класс гимназии, строят таунхаусы, планируют создание завода по переработке мусора, что здешний митрополит завёл аккаунт в социальной сети, мэрия объявила о приёме заявок от предпринимателей на получение субсидий, а местные спортсмены победили на соревнованиях по спортивному туризму. Как бы для того, чтобы отгнать эти радостные вести, была размещена информация и о некоторых негативных фактах, сравнительно незначительных, в основном из разряда криминальной хроники, причём они были поданы вскользь, немногословно. Сообщалось, в частности, о том, что некий взрослый горожанин заплатил семнадцатилетней девице три тысячи рублей за секс, а житель пригородного села пытался заработать на продаже двух привезённых с Украины автоматов Калашникова.

Для Александры происхождение всей этой информации было очевидно: она исходила из пресс-службы мэрии. А газетчики в лучшем случае лишь слегка дополнили присланные материалы, собрав по телефону кое-какие дополнительные сведения. Ну а что же по части социальных проблем? Хотя не густо, но и тут кое-что имелось: подборка вопросов и ответов о новом порядке индексации пенсий, корреспонденция о мерах по улучшению качества обслуживания пассажиров городского общественного транспорта, репортаж о работе центра социального обслуживания пенсионеров и инвалидов...

По сравнению с тем, чем Александра занималась в Москве, точнее предполагала заниматься, всё это выглядело удручающим мелкотемьем. А главное, непонятно было: кто же это будет читать? Уж точно не пенсионеры и инвалиды, которые экономят каждый рубль, – они привыкли узнавать о нововведениях, касающихся их, из теленовостей и слухов. Да и любой рядовой ордатовец о проблемах общественного транспорта, городского благоустройства или образования в муниципальном издании читать не будет, потому что официозы ему скучны. Он если и оторвёт от своих кровных несколько монеток на прессу, то приобретёт одну из бойких «жёлтых» газеток, где о тех же городских проблемах сообщается вперемешку с новостями из жизни «звёзд» эстрады и леденящими душу криминальными историями. Разве что чиновники могут взять в руки муниципальную газету, доставляемую им бесплатно, но у них есть свои, служебные источники информации по всем затрагиваемым в ней вопросам. Получается, что это издание никому, в сущности, не нужно. Просто кто-то решил, что городу для престижа нужно иметь свою вечернюю газету, и ради этого тратятся бюджетные деньги. Впрочем, сравнительно небольшие, обеспечивающие рядовому сотруднику лишь очень скромное существование...

Александрке стало тоскливо. Потратить годы до пенсии на видимость дела – такая безрадостная перспектива открывалась ей. Притом журналистской работы от неё будут требовать без скидок на отсутствие читателей – напротив, именно по этой причине перед ней постоянно будет ставиться безнадежная задача пробуждения читательского интереса ценой сверхусилий и постоянных поисков каких-то привлекательных «изюминок». Как если бы в рамках ордатовского муниципального официоза, его убогими дозволенными средствами это было возможно...

Дверь отворилась, и в проёме показался молодой смазливый брюнет в бейсболке, с аккуратно подстриженными бородкой, бакенбардами и усиками. Эта ухоженная вирильная растительность всё-таки не скрадывала нежность молодой кожи и чувственность рта. В беглом взгляде красавчика, брошенном на неё, Александра сразу прочитала разочарование.

– Эты вы Александра Викторовна? А я Ильдар Вахитов, фотограф. Редактор сказал, что я должен пойти с вами на митинг. Когда соберётесь, зайдите за мной в шестой кабинет.

Александра сдержанно кивнула в знак того, что информация принята к сведению, и посмотрела на часы: было уже четыре. Почти весь день на новом месте пролетел незаметно, хотя и безрадостно. Соседка Валентина Ивановна с её траурным видом не располагала к общению, другие сотрудники тоже не проявляли к ней интереса. Во всяком случае, никто к ним в комнату не заглядывал. Обеденный перерыв Александра провела за своим рабочим столом,

перекусив взятым из дома бутербродом, который запивала чаем, заваренным с помощью пакетика.

Через полчаса Александра нашла в полутёмном коридоре редакционного офиса дверь с номером «б» на пластмассовой табличке, два раза постучала в неё и вошла, не дождавшись приглашения. Ильдар сидел за столом, что-то разглядывая на дисплее компьютера. Он был один в комнате, которая показалась Александре ещё меньше той, которую занимала она.

Спустя пять минут они вместе вышли из офиса и пешком направились в сторону площади Ленина – туда, где из тумана, окутавшего город, выростал пятиглавый Владимирский собор. Александра с неудовольствием думала о том, что спутник ей ни к чему, поскольку она и сама смогла бы сделать вполне приличные снимки своим маленьким полупрофессиональным фотоаппаратом Sony Cyber-Shot, который был в её сумочке. Конечно, в такую погоду это будет сложнее, но можно фотографировать с близкого расстояния... Она подозревала, что штатные фотографы лишь пускают пыль в глаза огромными раструбами своих объективов, полезными на самом деле только для фотоохоты на пугливых птичек, и зачастую используют свои профессиональные аппараты в автоматическом режиме, без заморочек со сложной установкой параметров съёмки.

Она покосилась на спутника: тот шагал, сосредоточенно глядя прямо перед собой, придерживая ремень внушительного кофра, висевшего на его плече. Вокруг его шеи был повязан тёмно-серый, почти чёрный шарф под цвет его короткой куртки. Его образ мачо дополняли армейские берцы, в которые были заправлены серые джинсы.

Она подумала, что молодой человек не решается заговорить первым, уважая её возраст, и неожиданно почувствовала к нему симпатию. О чём спросить его, чтобы не молчать? Наверно, лучше всего о фотографии. Он, видимо, относится к своей профессии очень серьёзно, если потратился на большую, дорогую камеру. Хотя всё дело, может быть, лишь в том, что для фотографа размеры и «навороченность» его аппарата являются предметом гордости. То есть гаджет является чем-то вроде фаллического символа... Улыбнувшись своей забавной мысли, она спросила:

– Ильдар, почему вы решили стать фотографом? В наше время и при помощи «мельницы» каждый может делать неплохие снимки...

– Но только при хорошем освещении. И если не нужно на картинке выделить главное, чётко показав его на переднем плане, в отличие от второстепенного, как бы размытого. Короче, если не нужны снимки высокого качества. Я попробовал делать такие с помощью своей первой зеркальной камеры Nikon D3100, и мне понравилось. Особенно люблю снимать городские пейзажи и природу. То, что я делаю для души, – это художественная фотография. Снимок не будет художественным, если каждая деталь в нём не «заиграет», не добавит что-то существенное в создание общего образа. Чтобы это получалось, нужна долгая, кропотливая работа и во время съёмки, и при последующей обработке.

Александра подумала о том, что смысл существования газеты, которую почти никто не читает, возможно, лишь в том, что она даёт кусок хлеба молодому фотохудожнику.

– И ещё я люблю фотографировать в жанре «ню», – добавил Ильдар смущённо и одновременно с вызовом.

«Это чтобы я не считала его наивным мальчиком», – истолковала она слова спутника. – «Хотя, может быть, он пытается меня соблазнить...»

– А знаете, я разделяю ваши либеральные взгляды! – неожиданно заявил Ильдар.

– Что вы знаете о моих либеральных взглядах? – удивилась Александра.

– Ну я погуглил вас в интернете, ведь всегда хочется узнать больше о новой сотруднице. И наткнулся на ваш блог. Как я понял, вы сторонница тех, кто выступает на радио «Слухи Москвы». Я тоже слушаю это радио и восхищаюсь смелостью его сотрудников. Такое говорят, и их не трогают!

– А что, много в Ордатове людей либеральных взглядов?

– Либералы есть, но они знаете, какие... Есть поклонницы давно всем надоевшего советского экономиста, который во что бы то ни стало желает сохранить свою политическую девственность и потому ни с кем не соединяется, выдвигается на каждые президентские выборы и получает всегда мизерное число голосов. Это пожилые библиотечарши и учительницы. Едва ли они пойдут на митинг...

Они вышли на пустую, таявшую в синей вечерней мгле и тумане площадь, в центре которой смутно вырисовывался памятник Ленину. Несмотря на безлюдье, полиция была начеку: её присутствие обозначал «УАЗик», темневший в отдалённом углу площади, у выезда на улицу Энгельса.

– Какие же необязательные люди эти господа местные либералы! – возмущённо воскликнула Александра. – Уж если обещали массовое мероприятие, должны были прийти!

– Ещё десять минут до назначенного времени, – заметил Ильдар. – Но только никто, наверно, не придёт...

– А я вчера сама слышала в передаче местной редакции «Слухов Москвы», что будет митинг.

– Раньше такие митинги случались у нас благодаря коммунистам, которые использовали любую возможность, чтобы продемонстрировать свою оппозиционность и напомнить о себе. Удобное у них было положение: они имели в регионе законодательную и исполнительную власть и при этом считались оппозиционерами по отношению к режиму, а потому ни за что не отвечали! Теперь региональная власть уже не у них, и вроде бы им самое время митинговать как настоящей оппозиции, а они слиняли...

– Просто с либералами им не по пути. И на московских «белоленточных» митингах из левых были ребята Удальцова, а от КПРФ – никого.

– А вы долго жили в Москве?

– Нет, недолго, ездила разгонять тоску, – нехотя отозвалась Александра. – Только после столицы здесь ещё печальнее...

Проявив деликатность, Ильдар не стал расспрашивать про успехи Александры в Москве, молчаливо признав как само собою разумеющееся, что их не было, иначе она в Ордатове вернулась бы. Они походили по площади ещё с полчаса. За всё время ожидания её пустынное пространство пересекли и быстро растворялись в тумане лишь три фигурки – по всей видимости, случайных прохожих. Когда стало окончательно ясно, что никакого митинга не будет, Ильдар и Александра распрощались. Он поехал к домой, а она решила на всякий случай заглянуть в редакцию.

Пиковец всё ещё был в своём кабинете, хотя секретарша его уже ушла. Он быстро стучал по клавиатуре компьютера, увлечённо работая над каким-то текстом.

– Так рано! – воскликнул он при виде Александры. – Значит, митинга не было.

– Никто не пришёл.

– Чего и следовало ожидать. Теперь ты видишь, что либералы не могут провести в Ордатове массовое мероприятие, о котором сами объявили? А в Москве они смеют утверждать, что представляют народ и что у них украли победу на выборах!

– Но режим нужно менять...

– Кто это решил? Страна и так меняется, но плавно, без потрясений. А вы, «белоленточники», хотите нарушить это постепенное, органическое развитие общества и государства, устроив очередной переворот. Почему вы не учитываете историю и не делаете выводов из её уроков? Россия в начале двадцатого века была на подъёме и могла бы прожить весь этот век очень успешно, когда бы не большевики, которые захватили власть и ввергли россиян в катастрофу на многие десятилетия. Вы хотите повторения этого?

– Но мы не большевики...

– Да, вы не большевики, хотя вместе с вами на одни и те же акции ходят люди Удальцова. Вы либералы. Но именно либералы проложили в семнадцатом году дорогу большевизму. Они власть захватили, а удержать её не смогли. Разве вы не видите что и в наши дни может повториться подобное, если ныне существующая власть окажется слабой? Особенно в случае, не приведи господи, большой войны...

Александр не хотелось спорить с ним, и он, заметив это, смягчился.

– Ну как, осваиваешься на новом месте?

– Да. Вот только соседка что-то хмурая и неразговорчивая... Думает, наверно, что её скоро уволят... Мне интересно: как ты избавляешься от людей из старой команды? Накладываешь взыскания и увольняешь «по статье»?

– Нет, просто вызываю человека и говорю, что мы не сработаемся и что ему лучше уйти самому. До сих пор все были понятливыми, уходили. А что касается твоей соседки, то до пенсии она доработает. Если, конечно, сама захочет этого. Мне от каждого нужна только работа. Это касается и тебя... И очень прошу: не лезь в местную политику.

– Она мне совершенно не интересна. И в Москве-то политическая борьба – это на девяносто процентов соперничество самолюбий, у нас же это ярмарка тщеславия на все сто...

– Ну, не скажи... Люди спорят за властные полномочия, в конечном счёте за бабки...

Он поднял на неё глаза, и она впервые заметила у него кровавые прожилки на белках. И ещё эти набрякшие веки, серое, морщинистое лицо... «Сколько он ещё протянет?» – мелькнула у неё пугливая мысль. Жалость и печаль отразились на её лице. Он заметил это, но истолковал неверно, подумав, что ей горестно за себя. Желая утешить, он сказал:

– Конечно, после Москвы ордаговские дрызги кажутся очень унылыми, но зато в них больше правды, меньше головного, придуманного. А в столице слишком много искусственного, привнесённого... Взять пресловутые «Слухи» – это же сплошь перепевы западной пропаганды. Меньше верь им, живи реальной жизнью, и у тебя всё будет хорошо. Ещё кого-нибудь встретишь, полюбишь. Какие твои годы... Ты ещё привлекательна...

Она смутилась, закивала в знак согласия и с неловкой улыбкой поспешила уйти.

4

Уже третий год Сергей Чермных жил в состоянии непрерывного возбуждения. Каждый миг вне краткого ночного забытья он помнил о том, что идёт строительство его офисного центра «Плаза». По многу раз в день он останавливал свой взгляд на макете, установленном на журнальном столике в его кабинете, и любовался видом необычного объекта, похожего на призму из гранита. Именно так должно было выглядеть кубическое здание офисного центра, облицованное тёмно-серым виниловым сайдингом, с проходящими сверху донизу широкими серебристыми полосами зеркальных витражей.

Хотя по проекту новостройка предназначалась под магазин непродовольственных товаров и точно так же она была обозначена в разрешении на строительство, Чермных возводил всё-таки офисный центр. Данное противоречие ничуть не беспокоило его, потому что изначально всем чиновникам, утверждавшим документацию этого пятиэтажного здания, было ясно, что магазин в Ордагове не может иметь столько этажей. Торговый объект в разрешении на строительство появился только потому, что градостроительный план и проект землепользования и застройки предусматривали размещение на этом участке городской территории именно магазина. Но до строгого, не формального соблюдения уже давних решений на сей счёт никому, конечно, не было дела.

Взяться за новое направление деятельности Чермных решил отчасти потому, что хотел на старости лет пожить спокойно на стабильный доход от сдачи в аренду коммерческой недвижимости. Другим его мотивом было желание оставить дочери Анжеле в наследство такой бизнес,

с которым она могла бы правиться, и для этого лучше всего подходило управление недвижимостью. Строительство офисного центра класса В+ в центре города было затеяно на деньги, которые Чермных получил от продажи почти всех своих ранее приобретённых активов, частично силами строительного подразделения принадлежавшего ему ЗАО «Кредо». Для управления «Плазой» он уже учредил ООО «Синергия», в штат которой предполагал набрать менеджеров, охранников, слесарей и уборщиц. По завершении строительства Сергей Борисович рассчитывал безмятежно наблюдать за нехитрой деятельностью «Синергии» и получать приносимые ею прибыли.

К ноябрю строители офисного центра «Плаза» достигли важного рубежа: закрыли контур здания. Это означало, что завершилось сооружение кровли, а в проёмы фасадов были вставлены стеклопакеты. Теперь можно было приступать к отделочным работам, не страшась зимней непогоды. Внутреннюю отделку помещений Чермных рассчитывал завершить за полгода, к маю.

В принципе уже сейчас, на завершающем этапе строительства, можно было приступать к заключению договоров с арендаторами. Хотя, конечно, немногие потенциальные клиенты могли бы проявить интерес к «Плазе», имея перед глазами только остов будущего объекта. Тем более в кризис. Но Чермных считал необходимым обозначить свое появление на новом рынке как можно раньше, чтобы успеть «раскрутить» будущий бизнес к завершению отделочных работ. Для этого, полагал он, нужна реклама, на первых порах лучше не прямая, товарная, а имиджевая, которая сделает «Плазу» известной и создаст ей привлекательный образ.

Использовать для своего серьёзного дела дочкину игрушку под названием «Ордатовские новости» ему не хотелось. О качестве этой газеты он был мнения очень невысокого, считая закономерными её непопулярность и финансовую малоуспешность. Требовалось более популярное издание – ну хотя бы «Вечерний Ордатов». Правда, сам он «Вечёрку» давно не читал, но помнил, что когда-то, ещё в советское время, она пользовалась спросом. К тому же он слышал о том, что в эту газету по возвращении из Москвы устроилась Александра Петина, и именно её решил пригласить для подготовки публикации. Александру он видел в редакции «Ордатовских новостей» лет пять назад и запомнил, потому что она ему понравилась. Точнее, он запомнил её имя и тип внешности – маленькая, хрупкая блондинка с тонким личиком. К таким женщинам он всегда испытывал тайное влечение, которое усилилось в последние годы, одновременно с ростом его антипатии к жене Мирре, женщине совсем иного типа – высокой, темноволосой.

С Миррой он развёлся два года назад. Расставание супруги пережили трудно, несмотря на то, что отчуждение их возникло не на пустом месте: были взаимные обиды от измен, досада друг на друга из-за неудачно сложившейся жизни дочери Анжелы, да и просто накопившаяся за годы усталость друг от друга. Испытывая чувство вины из-за своего давнего романа с ничтожным любовником Михалиным и понимая, что всё нажитое Чермных оставит дочери и внуку, Мирра при разводе удовлетворялась сравнительно немногим: квартирой-«сталинкой» и несколькими миллионами рублей.

Чермных в возрасте уже за пятьдесят занялся строительством собственного дома. По примеру знакомых предпринимателей он построил коттедж в пригородном посёлке Дубрава. Туда он, став холостяком, начал привозить любовниц. Он заводил лёгкие, ни к чему не обязывающие романы, в основном с женщинами, которые как-то зависели от него: это были сотрудницы его фирм и дамы «свободных» профессий, с которыми он знакомился в качестве клиента, – массажистка, адвокатесса, риэлторша... «Седина в бороду, а бес в ребро», – говорил он со смущённой, как бы извиняющейся улыбкой немногим приятелям, которые могли в разговоре с ним затронуть эту щекотливую тему. Хотя на самом деле он считал, что упрекнуть его не в чем. Все его пассии прекрасно знали изначально, что брачными узами связать его не удастся. Ни одна женщина не вправе была рассчитывать на то, что старый предприниматель, любящий своих законных отпрысков, поставит под угрозу их материальное благополучие ради

неё. Вообще в его кругу мужчины в законный брак вступали только по молодости, ещё не обладая состоянием, с приобретением же капиталов предпочитали жить с женщинами в гражданских союзах, избегая заморочек с брачными контрактами.

Александра пришла на встречу с Сергеем Чермных в строгом сером деловом костюме с приталенным жакетом и зауженной юбкой до колен, собранная и суровая, с лицом, покрытым тональным кремом в тщетной попытке скрыть морщинки. В отличие от многих журналистов ей не доставлял приятного возбуждения сам процесс добывания информации – общение с незнакомыми людьми, поездки, преодоление всевозможных препятствий. Всё это лишь неприятно нервировало и быстро утомляло её. Ей нравилось в журналистской работе другое: неторопливо записывать увиденное и услышанное, подбирать слова, компоновать собранные материалы, придумывать заголовки. Встреча же с отцом своей бывшей хозяйки не обещала ей ничего, кроме дополнительного стресса.

«Экая нелюбезная!» – с досадой подумал Чермных при виде Александры. – «Могла бы и улыбнуться, чтобы показаться привлекательнее, хотя бы из вежливости! Тем более, что немолода и не красавица!» Но заговорил спокойно, ничем не выдав своего разочарования:

– Я пригласил вас потому, что помню ваши неплохие публикации об архитектурных новинках ещё в «Ордазовских новостях», в рубрике «Свежий проект». Сейчас нужна имиджевая реклама об офисном центре «Плаза», строительство которого заканчивается, а также об управляющей компании «Синергия». На этой неделе строители закроют контур здания, то есть закончат сооружение кровли и остекление оконных проёмов. Это значит, что будет пройден важный этап в ходе строительства, после которого можно начать внутренние отделочные работы, чтобы сдать «Плазу» уже через полгода, в мае, как и намечалось. К закрытию контура мы приурочим первую из серии статей. Надо выпукло подать достоинства «Плазы» и завуалировать слабые стороны. К числу последних относится, например, недостаток парковочных мест. Для них не хватило свободной территории на очень небольшом участке, выделенном под застройку. Зато мы предусмотрели пятачок под велопарковку, поэтому вы напишете, что «Плаза» – единственный в Ордазове офисный центр, возле которого можно будет припарковать велосипед. Это же так экологично и современно!

Александра кивала и что-то записывала в блокнот, несмотря на свой включённый диктофон. Чермных с растущим раздражением думал о том, что пишет она, конечно, только для того, чтобы чем-то занять себя и не встречаться с ним взглядами. В желании скрыть проснувшееся недоброе чувство к этой холодной ломаче он постарался придать своему голосу бархатистую, интимную мягкость.

– Ещё недостаток: маловато общедоступных зон. Однако и общая площадь у нас совсем небольшая: менее четырёх тысяч квадратных метров, точнее три тысячи восьмьсот девяносто метров. Но в «Плазе» будет всё необходимое для объектов такого рода: конференц-зал на пятьдесят мест, комната для переговоров, кафе и фитнес-центр. Конечно, всё маленькое. Но в других офисных зданиях Ордазова фитнес-центра нет! Немаловажно и то, что арендаторов будет обслуживать единая управляющая компания в лице ООО «Синергия», которая обеспечит им максимум удобств, в частности круглосуточный доступ на рабочие места. Чего, опять-таки, в других офисных зданиях нет. Ещё у нас предусмотрены индивидуальные условия аренды и бонусы для арендаторов. Запоминающимся будет и облик «Плазы»: вот, посмотрите на картинке...

Чермных сделал паузу для того, чтобы Александра могла рассмотреть изображение и задать вопрос.

– А почему здание такое тёмное, мрачное? – спросила она удивлённо. – Знаете, какие ассоциации оно вызывает? Напоминает Каабу, чёрный куб – мусульманскую святыню...

Он внимательно всмотрелся в неё: не издевается ли она? Как смеет задавать такие нелепые вопросы? Хотя... Изображённое на картинке на самом деле походило на куб. Притом тёмно-серого, почти чёрного цвета... Как раньше он об этом не подумал?

– Экая вы просвещённая! – попытался отшутиться он. – Знаете про Каабу. У вас, наверно, муж мусульманин и страшно ревнивый! Да? Признавайтесь!

– Нет у меня никакого мужа, – пробормотала она смущённо. – А про Каабу я смотрела по телевизору...

– Я полагаю, серый – это строгий, деловой цвет, который как нельзя лучше отвечает назначению объекта. Кстати, вы явно и сами так считаете, раз пришли на деловую встречу в костюме серого цвета, а не какого-нибудь розового. И этот цвет вам идёт, делает вас моложе и привлекательнее...

Александра улыбнулась, и на её маленьком лице на миг проступило непосредственное, совсем детское выражение удовольствия. Чермных пришла в голову его давнишняя мысль о том, что в каждой женщине, несмотря на возраст, живёт ожидание чуда, что в каждой сохраняется что-то от девочки, пришедшей в мир с простодушным и радостным удивлением. И что такую девочку, открывшуюся в женщине, всегда хочется уберечь от разочарований, пригласить и защитить. Даже если ей давно за сорок, как этой Александре Петиной...

– Ну вот, наверно, и всё, что я хотел рассказать вам про «Плазу», – сказал он, желая поскорее закончить деловую часть встречи, занятый уже другими помыслами. – Точные характеристики этого объекта найдёте в пояснительной записке к проекту. На первую публикацию материалов у вас уже достаточно. Недостающее для завлекательного «гарнира» придумаете сами, у вас это хорошо получается. Я помню ваши публикации об архитектурных новинках. Только не упоминайте, пожалуйста, про Каабу, наших потенциальных клиентов это отпугнёт.

Александра сдержанно кивнула и начала складывать в сумочку свои бумаги.

– Время уже шестой час, в редакцию вы сегодня уже не вернётесь, – вкрадчиво сказал Чермных. – Не желаете ли выпить со мной «Шерри-бренди»? Тут за углом есть симпатичный ресторанчик...

– Что это за «Шерри-бренди»? – улыбнулась Александра, снова вдруг помолодев лицом.

– Ну это такой довольно знаменитый напиток, хересный бренди, который производится только в Испании, притом в одной-единственной провинции. Мне нравится его название, которое звучит прикольно, недаром вы улыбнулись. Правда, он, может быть, слишком крепок для дам. Но в том же ресторанчике предлагают и кое-что не столь крепкое, а также вкусный ужин.

– Что за ресторанчик? Не «Ламбада» ли?

– Она самая.

«Ламбаду» Александра знала, поскольку делала однажды рекламу об этом заведении. Ей запомнились забавные характеристики блюд в тамошнем меню, например: «Корейка – нескромная сестра ягнёнка». Вообще это место в полуподвальном помещении, похожем на погребок, со входом, стилизованным под бочку, и массивными дубовыми столами показалось ей довольно изысканным.

– Хорошо! – вдруг легко, без раздумий согласилась она.

Изначально тот интерес, который Чермных испытывал к Александре, можно было назвать «спортивным». Для него, как и для многих других успешных, состоятельных мужчин, соблазнение женщин было своего рода спортом, способом проверки своих качеств самца, завоевателя, мачо, средством поддержания эмоционального и физического тонуса. Он обнаружил, что на пороге старости это для него не менее важно, чем когда-то в молодости. Может быть, даже ещё важнее. Потому что в последнее время он всё отчётливее чувствовал, что количество отпущенных ему дней неумолимо сокращается, как число песчинок в песочных часах, что вместе с ними навсегда уносится всё, чем хороша жизнь, – женщины, азарт борьбы, радость побед, удовольствия от хорошей еды, вина, отдыха на море... Тем острее становилось его желание

успеть насладиться тем, что ещё было доступно ему. Развод с женой Миррой снял с его души путы, мешавшие прежде его склонностям к чувственным наслаждениям проявиться вполне.

Новоиспечённый холостяк был импозантен и всё ещё привлекателен для многих значительно более молодых женщин. Не тратя времени на долгие ухаживания, он сходил только с теми, которые оказывались достаточно доступными. Вкуса к долгой «осаде» у него не было. При всём своём равнодушии к дамам Чермных мало соответствовал привычному представлению о соблазнителе. Именно к соблазнению он прилагал очень мало усилий, будучи почти всегда загруженным деловыми заботами и считая беготню за юбками ниже своего достоинства. Он подбирал любовниц, следуя простому правилу: нужно сначала предложить даме поужинать в ресторане, а затем пригласить к себе домой. К женщинам, которые отказывались от ресторана, он сразу терял интерес. Столь же безразличен он становился и к тем, которые после ужина отказывались от предложения «продлить приятный вечер в домашней, более камерной обстановке», что вполне недвусмысленно подразумевало постель. Впрочем, раза два с ним случался облом: дамы не понимали (на самом деле или только делали такой вид), что означает его приглашение домой, и уже будучи у него в гостях решительно отклоняли вариант с постелью. После чего он сразу превращался в кислого, холодного брюзгу и довольно бесцеремонно выпроваживал коварных недотрог.

Дольше обычного продолжались его отношения с секретаршей Яной Дорошкевич, рабочее место которой находилось в его приёмной – проходной комнате перед дверью в его кабинет, или «предбаннике», как говаривали в конторе ООО «Кредо». Яна была очень хороша собой и загадочна. Встречая взгляд её серых глаз, чуть прищуренных по обыкновению, он никогда не мог понять, что же она чувствует и думает на самом деле. Он знал, что этот прищур мог означать, в зависимости от обстоятельств, самые разные её настроения: требовательность, внимательность, томную мечтательность, высокомерие и пренебрежение. Её лицо было красивым и непроницаемым, как у женского манекена: пухлые губы модного тона «осенняя роза», изящный носик, пышные платиновые волосы. Прожитые тридцать четыре года ещё заметно не отразились на её нежной коже и точёной фигуре с хорошо развитыми бёдрами и грудью, ей вполне можно было дать и на десять лет меньше.

Пожалуй, Яна стала бы его постоянной женщиной, когда б не задалась невозможной целью: женить его на себе. Сначала он только морщился, когда она говорила с ним о бракосочетании, но скоро она стала ему в тягость. Особенно после того, как она сообщила о том, что беременна. Как раз в это время в его жизни появилась Александра...

Чермных гордился тем, что не тратил на женщин почти ничего помимо расходов на ресторан: его самолюбию льстила мысль о том, что он интересен им сам по себе как незаурядный и привлекательный мужчина. Впрочем, он понимал, что притягательная аура окутывает в глазах обычных россиян любого успешного предпринимателя...

...То, что она позволит Чермных всё, Александра поняла сразу, как только услышала изменившуюся, вкрадчивую интонацию его голоса. Она давно решила, что ей, уже на пятом десятке, без мужа и детей, не стоит лишать себя возможности снова почувствовать себя настоящей женщиной, желанной для мужчины, способной подарить ему счастье. Если интересный, достойный кавалер пожелает её близости, она ломаться не станет. Потому что сколько ещё будет у неё таких случаев?.. К тому же он вдруг показался ей забавным и милым – таким старым, толстым котом, подкрадывающимся к птичке...

В «Ламбаде» Александра нашла в меню запомнившуюся ей своим игривым названием «Нескромную сестру ягнёнка», и её остро захотелось отведать это блюдо, но сказать о своём желании она почему-то постеснялась и предоставила выбор Чермных. Тот заказал для неё и себя телятину «Гурмэ» – острое жаркое из нежной телячьей вырезки с черносливом, фасолью и овощами под пряным, пахучим соусом. Обещанное «Шерри-бренди» на самом деле оказалось слишком крепким для нее, так что она только пригубила рюмку, но зато сладкого игристого

вина Martini Asti с медовым привкусом выпила с наслаждением три бокала и опьянела: у неё слегка закружилась голова и по телу разлилось томительное тепло...

На предложение Чермных поехать к нему домой, чтобы посмотреть какой-то вздор, коллекцию каких-то самоцветов, она согласилась не раздумывая, ни на миг не обманывая себя относительно смысла этого предложения. Ведь его-то она и ждала!

Из того, что произошло в тот вечер дома у Чермных, ей запомнилось немного: странный травяной аромат бургундского вина Pinot Noir, яркая зелень малахитов из коллекции да ещё то, что в постели Чермных оказался никакой, пробудив в ней жалость даже сквозь усталость и хмель.

Зато Чермных запомнил многое: то, как в предвкушении обладания новым женским телом он подогревал вожелание, умышленно мешкая, затягивая уже ненужное словесное общение, уже видя, что женщина тает, расслабленно улыбаясь, готовая на всё. И то, с какой радостью она молча закивала ему, когда после поцелуев он прошептал ей в ухо: «А теперь пора в постель, баиньки». И то, как и в постели он долго целовал её, с наслаждением обоняя запах её волос, в котором ему чудился аромат вербены – терпкий, лимонный. И то, как она лежала перед ним, нагая, плотная телом, загорелая, покрытая нежным пушком, похожая на зрелый плод. И то, с каким изумлением и ужасом он вдруг почувствовал, что его восхищение этой отдающейся женской плотью уже не переходит в обычное волнение в крови. «Перегрелся!» – подумал он с отчаянием. – «Слишком промедлил, затянул...»

Помнил он и то, как она после напрасного ожидания приподнялась на локте, ткнулась поцелуем ему в щёку и ласково прошептала:

– Не переживай, котик, с кем не бывает... Мы сегодня устали, а утром своё возьмём...

Затем она сразу забылась сном и спокойно спала до утра, а он полночи не мог сомкнуть глаз, смятённо соображая о том, что же ему делать, как жить дальше. Неужели он теперь бессилен? Или неприятность случилась из-за того, что он много выпил? Или всё дело в слишком зрелой плоти Александры? Не следует ли ему попробовать с более молодой? И в любом случае нужно поскорее забыть, изгнать из своей жизни эту свидетельницу его позора и поражения!..

Но утром, едва очнувшись, он сразу ощутил на себе её внимательный, ласковый взгляд.

– Выспался, котик? Не хочешь поиграть?

Она улыбалась ему, и оттого резче обозначилась сетка морщин на её лице, особенно вокруг глаз и рта. Сейчас, вблизи, при утреннем свете, без макияжа, она выглядела совсем немолодой. «Да она же старая баба, ей вполне можно дать все пятьдесят!» – подумал он с неприятным удивлением, почти испугом, досадуя на себя. Зачем он связался со старухой, которая, вдобавок, так жеманно и пошло называет его «котиком»?

Но странно: стоило ей обнять и поцеловать его, сначала в шею, затем в висок и только после этого, осторожно, сдержанно, в губы, как желание вспыхнуло в нём с давно забытой силой. Он с наслаждением обонял слегка горчащий, терпкий и одновременно сладостный, млечный запах её зрелого тела и уже знакомый вербеновый аромат её волос. Задыхаясь и дрожа от нетерпения, он овладел ею. И затем, уже изнемогший, опустошённый, он всё-таки долго не мог выпустить её из объятий, вдруг снова чувствуя себя юнцом со своей первой женщиной – немолодой, опытной, по-матерински нежной.

– Хорошего помаленьку, – наконец наставительно, как ребёнку, сказала она ему. – Мне пора идти по делам.

– Но ты вернёшься? – спросил он сразу, не пытаясь обдумать свои слова, внезапно охваченный паническим страхом потерять её.

– Вернусь, если хочешь... – ответила она ласково, уклончиво.

– Когда?

– А когда ты хочешь?

– Послезавтра, вечером.

– Хорошо, позвони мне послезавтра в пять часов, и мы договоримся...

Когда она ушла, он вдруг почувствовал себя осиротевшим и понял, что не может жить без этой женщины. Она узнала его в минуту неудачи, самой горькой для мужчины, и помогла ему преодолеть это состояние, снисходительная и заботливая. Разве он рискнёт снова пережить подобный стыд с какой-то другой – молодой, насмешливой, безжалостной? Нет, ему нужна именно такая – уже немолодая, умудрённая, ласковая, способная быть не только любовницей, но и в чём-то заменить мать...

Александра вошла в свою новую роль подруги и любовницы предпринимателя легко и естественно, как если бы это было для неё привычно. Однако и на самом деле она готовилась к этому всю жизнь, всегда мечтая для себя именно о таком мужчине – сильном и умном, занятом большими делами, способном обеспечить ей комфорт и материальное благополучие.

Изначально им обоим было ясно, что законного брака у них не будет и что иного от них никто не ждёт. Она знала, что Чермных заботится о будущем своей дочери Анжелы и внука Серёжи – своих наследников. Всё же он сумел проявить щедрость по отношению к подруге, выдав ей уже через полгода после начала их связи кредит на приобретение собственного бизнеса в размере трёх миллионов рублей, оформленный в виде простой расписки, на самых выгодных для неё условиях: без процентов, на неопределённый срок. Речь шла о бутике «Апельсин» в торговом комплексе «Galaxy», где на сорока квадратных метрах предлагалась модная одежда известных европейских брендов. Бывшая хозяйка этого маленького бизнеса, хорошо налаженного и несложного, пожелала уйти на покой. Чермных дал понять Александре, что не потребует возврата трёх миллионов, которые пошли на приобретение бутика и закупку коллекций модной одежды, если в их отношениях всё будет гладко. Так он подстраховался на случай каких-то осложнений. Ещё за несколько месяцев до превращения Александры в предпринимательницу он вполне оценил её деловые качества и сделал её своим коммерческим директором.

Она взяла на себя заботу о многих вроде бы второстепенных, но в действительности насущных вопросах деятельности ЗАО «Кредо», экономя его время: планировала его рабочий день, передавала его указания подчинённым и контролировала их выполнение, готовила документы на подпись, проверяла счета поставщиков, составляла справки об актуальных проблемах и ходе их решения. Не ограничиваясь только работой с документами, она ежедневно звонила подрядчикам, отслеживая ход работ на строительстве офисного центра, и подыскивала контрагентов. С завершением строительства «Плазы» её полномочия расширились: она определяла условия сдачи офисов в аренду, составляла графики выполнения сервисных работ, руководила обслуживающим персоналом, контролировала поступление арендной платы. Довольно скоро она получила право самостоятельно принимать решения в тех случаях, когда цена вопроса не превышала нескольких десятков тысяч рублей. Во избежание задержек в делах она с согласия Чермных стала за него подписывать не очень важные документы, искусно копируя его подпись.

При этом своего кабинета у Александры не было: её рабочим местом был стол в приёмной Чермных, как если бы она была только его секретаршей. Впрочем, она действительно выполняла все обязанности секретарши, но все сотрудники ЗАО «Кредо» и ООО «Синергия» очень скоро уяснили, что этим её функции не ограничиваются: полушутя-полусерьёзно они стали именовать её «генсеком», за глаза, конечно. Всё дело было в том, что Александра сразу дала понять Чермных, что и на работе рядом с ним должна быть она, а не прежняя секретарша Яна Дорошкевич. Поэтому Яна была переведена в производственно-технический отдел на должность техника с не слишком сложными обязанностями: составлять заявки на материалы и инструменты и выдавать документацию производителям работ.

В качестве хозяйки нового дома Чермных Александра тоже оказалась хороша: была изобретательна и вместе с тем бережлива в обустройстве уютного гнёздышка, неумоима в заботах о поддержании порядка в нём и изобилия на столе. Фактически, во всех трёх своих «ипоста-

сях», любовницы, коммерческого директора и домоправительницы, она трудилась на Чермных по шестнадцать часов в сутки без выходных, не жалуясь на перегрузки. Наверно, никто не поверил бы, что эта немолодая, хрупкая женщина с полуувядшим, но ещё нежным личиком способна так проявить себя. Секрет её успеха был в том, что Чермных безоглядно доверился ей как своей единственной женщине, без которой он уже не мог жить. Зная это, она чувствовала себя с ним уверенно и спокойно.

Уже через два месяца после начала их романа они совершили совместное путешествие. Это была идея Чермных, с детства мечтавшего о тропиках и кокосовых островах. На долгие новогодние «каникулы» они улетели из промозглой ордатовской зимы на Мальдивы, в земной рай, где вдоволь погрелись на белом песке под сенью пальм и поплавали в прозрачных бирюзовых водах лагун коралловых островов.

5

Акт приёмки в эксплуатацию законченного строительством офисного центра «Плаза» был подписан четырнадцатого мая. Комиссия из чиновников архитектурно-строительного, санитарного-эпидемиологического и пожарного надзора к новому объекту особенно не придиралась. Видимость служебного рвения проявил лишь инспектор пожарного надзора, молодой, настырный, пожелавший осмотреть все выходы для экстренной эвакуации людей и средства противопожарной сигнализации. Однако он тоже оказался вполне доволен увиденным. Остальные лишь с завистливым почтением походили по сияющим огнями коридорам, осторожно ступая по скользкой на вид итальянской плитке цвета загустевших сливок, заглядывали в пустые, гулкие офисы, прокатились на обоих лифтах, грузовом и пассажирском, с удивлением потрогали спортивные снаряды в тренажёрном зале и затем с видимым облегчением поставили свои подписи на документе. После чего все дружно согласились на предложение Чермных «оценить наше кафе» и спустились в цокольный этаж, где и находилась крошечная кафешка. Там, впрочем, лишь разогрели блюда, специально заказанные по такому случаю в ресторане «Ордатов».

Не обошлось без тостов. Процветания «Плазе» и её создателю пожелал инспектор архитектурно-строительного надзора Локтионов – представительный, с красивой сединой в ещё густой шевелюре, преувеличенно серьёзный и сосредоточенно-заторможенный, какими бывают быстро хмелеющие люди. Он же произнёс второй тост: о том, чтобы в «Плазе» бизнес был таким же оригинальным и интересным, как проект её здания. Чермных вскользь подумал о том, что Локтионов, сам довольно известный в Ордатове архитектор, явно старается понравиться ему, чтобы при случае получить заказ в виде подработки. Хотя мог бы догадаться о том, что «Плаза» – это для него, Чермных, последний объект: достигнув порога старости, он уже ничего больше строить не будет. Для этого дела нужны хорошие нервы...

При мысли о том, что здесь, в «Плазе», он справит своё последнее новоселье, ему стало тоскливо. «Ну вот, чуть выпил и уже развезло», – подумал он, почувствовав, как вдруг защищало глаза. И тут же догадался, что всё дело в ином: в самом этом словосочетании «последнее новоселье» заключалось для него что-то невыразимо унылое. И совершенно непонятно, почему... Он мучительно напряг память, и вдруг из сонма давних воспоминаний возник странный мысленный образ: прекрасный юноша стоит на крутой скале, готовый броситься в бушующую пучину, чтобы достать золотой кубок, который в следующий миг швырнёт в пенящиеся волны некий правитель в короне, стоящий рядом в окружении слуг... Что это такое? Да это же иллюстрация к балладе «Кубок», украшавшая обложку книжки его детства под тем же названием... В этом сборнике романтических стихотворений ему запомнилось ещё одно, которое так и называлось: «Последнее новоселье» – о перенесении праха Наполеона... Вот откуда минорные ассоциации! Что только не застревает в памяти!..

Торжественное открытие «Плазы» состоялось двадцать третьего мая. В качестве почётных гостей прибыли чиновники областной администрации и мэрии. Именно с расчётом на них и было выбрано время начала мероприятия: полдень пятницы. Таким образом, приглашённые могли принять участие в банкете, на славу отобедать и выпить, а затем со спокойной совестью отправиться по домам. Ибо никому и в голову не пришло бы искать их на работе в пятницу во второй половине дня: в Ордатове руководители в мало-мальски значимых чинах пользовались хотя и неписанным, но тем не менее общепризнанным правом на сокращённый рабочий день в уикэнд.

Лишь из вежливости Чермных направил приглашения на торжество вице-губернатору, курирующему промышленность и торговлю, и мэру Ордатова, прекрасно зная наперёд, что они не приедут: всё-таки и по ордатовским меркам его объект был маловат для внимания столь важных персон. Прибыли именно те, на кого он и рассчитывал: заместитель начальника управления развития предпринимательства областной администрации Финогин, руководитель аналогичной структуры мэрии Ордатова Кошелев, президент местной торгово-промышленной палаты Завьялов и председатель совета регионального отделения «Деловой России» Сторожев. Эта четвёрка должна была вместе с Чермных перерезать традиционную красную ленточку перед входом. Каждый из основных гостей привёл с собой ещё двух-трёх сотрудников – своего рода свиту. Явились и арендаторы, с которыми уже были заключены договоры. Пришли также представители СМИ. Впрочем, последние выполняли заказы на рекламу и потому являлись, в сущности, услугой. Для них тоже было подготовлено угощение, но посадить их Чермных решил не вместе с остальными гостями, а за особым столом.

Приглашённые явились уже приятно-расслабленными, с настроением на застолье, поэтому торжественная часть получилась несколько скомканной. Тон задал Финогин, который всех поторопил. Обычно, в присутствии более важных руководителей, он скромно помалкивал и опускал взор долу, а на сей раз почувствовал себя старшим, оказавшись единственным представителем областной власти. Хотя внешне он меньше всего казался носителем какого-либо авторитета: молодой и до странности женственный, с пухлыми щёчками и губками, жидкими волосиками, которые никак не укладывались во что-то приличное, а создавали на голове подобие то ли растрепавшегося кока, то ли неряшливого пробора, то ли неловко зачёсанной плешки... Неуверенным голосом пробуя акустику просторного фойе, он спросил:

– Что же мы не начинаем? Ведь уже пора! Время – две минуты первого!

– Ещё не прибыли из муниципального телевидения... – смущённо отозвалась сотрудница пресс-службы мэрии из свиты Кошелева.

– Кто опоздал, тот не успел! Присутствуют журналисты областного телевидения и местных газет – этого достаточно!

В ответ кучка собравшихся нестройно, но послушно вышли из фойе на площадку перед входом в «Плазу». Пятеро главных действующих лиц встали перед траурно-сумрачными стеклянными стенами новостройки и красной ленточкой, туго натянутой между двумя стойками. К ним подтянулись журналисты с нацеленными объективами.

– Дорогие друзья! – зазвучал из динамика бодрый голос Финогина, перекрывая уличный шум. – Мы собрались здесь для того, чтобы отметить значимое событие – открытие нового офисного центра класса «Бэ плюс». Это ещё одно зримое свидетельство успешного развития в нашем регионе частного предпринимательства – основы экономики современной России. Новый объект станет родным домом для нескольких десятков... наиболее успешных компаний областного центра...

Произнося загодя написанный и выученный текст, Финогин запнулся, вдруг сообразив, что не совсем уместно для него, представителя власти, слишком восторгаться по поводу появления дорогих офисов для преуспевающего бизнеса. Ведь в городе не хватает помещений для начинающих предпринимателей и нет ни одного бизнес-инкубатора...

– Будем надеяться на то, что вслед за обеспечением процветающих предприятий Орда-това дорогими офисами европейского уровня наши инвесторы озаботятся и нуждами обычного малого бизнеса, не исключая и начинающих предпринимателей, которым нужен бизнес-инку-батор! – неожиданно для самого себя, отбросив заготовленные фразы, заключил Фиогин.

Между тем прибыли наконец журналисты муниципального телевидения – смазливая брюнетка со старательно выщипанными, точно нарисованными бровями, в топики гранатового цвета, и её оператор, в нарочито неряшливом «прикиде», призванном символизировать свобо-домыслие и презрение к условностям: в пыльных кроссовках, мешковатых джинсах с пузырями на коленках и несвежей клетчатой рубаше навывпуск. Они вклинились в кучку журналистов, заставив коллег потесниться. Каморину в правый бок упёрся локоть новопривывшего опера-тора, а сдвинуться налево, избегая этого тягостного контакта, было нельзя: слева его теснил другой журналист. Немыслимо было и выйти из кучки коллег: нынешняя позиция Каморина, как раз напротив микрофона, была хороша возможностью, оставаясь на месте, делать каче-ственные снимки каждого выступавшего. Приходилось терпеть и проявлять крайнюю осторож-ность в движениях: одна из опор треноги телекамеры находилась в нескольких сантиметрах от туфли Каморина, так что малейшее его движение ногой грозило опрокинуть и разбить доро-гой аппарат. От чего оператор только выиграл бы: ему дали бы новую, более современную камеру. А вот для Каморина это оказалось бы настоящей катастрофой, потому что его редак-триса Анжела Чермных долг за разбитую камеру повесила бы, вероятнее всего, на него. Ибо не таковы были их отношения, чтобы рассчитывать на иное...

Тем временем к микрофону подошёл следующий оратор Кошелев, похожий на лукавого восточного царедворца – уже в годах, седовласый, усатый, с уклончивым взглядом маленьких чёрных глаз на рыхлом лице.

– Мы приветствуем здесь зримый результат успешных инвестиций, так необходимых нашему городу! – провозгласил он. – Офисный центр «Плаза» – это новые рабочие места, дополнительные поступления в бюджет, более комфортные, цивилизованные условия ведения предпринимательской деятельности, что будет способствовать улучшению делового климата в нашем регионе. За всё это поблагодарим инвестора – уважаемого Сергея Борисовича Чермных!

Все дружно зааплодировали.

– Конечно, очень хорошо для города было бы приобрести бизнес-инкубатор, как верно отметил Константин Владимирович, и лучший путь к этому – развитие государственно-част-ного партнёрства, над чем нам всем ещё предстоит поработать, – с хитрой улыбкой продолжал Кошелев. – Но в любом случае появление отличного офисного центра – это шаг в нужном направлении.

«И дался им этот бизнес-инкубатор!» – с недоумением думал Чермных. – «Можно поду-мать, что они хотят по дешёвке как-то выцуганить под это заведение мою «Плазу», избавляя бюджет от лишних затрат!»

Досадуя и смутно тревожась, Чермных вполуха прослушал пресные выступления Завья-лова и Сторожева, в которых ничто не зацепило его внимания. Свою рассеянную задумчивость он стряхнул уже под звуки фанфар, когда настала пора перерезать красную ленточку. Вместе с другими главными участниками торжества он совершил пол-оборота, став лицом к «Плазе». Нарядные девушки вручили каждому из них ножницы. Все пятеро на несколько мгновений замерли, чтобы журналистская братия с фото- и телекамерами могла изготавиться. Он поиск-ал взглядом хорошо ему известного Каморина и заметил, что тот раньше своих коллег-жур-налистов занял самую выигрышную позицию для съёмки торжественного момента, ловко под-нырнув под ленточку и забежав к дверям «Плазы», так что оказался прямо напротив пятерки. Однако следом за сметливым собратом на ту же позицию устремились рослые телеоператоры, за ними – остальные журналисты, и все они встали впереди бедняги, закрыв ему объектив. В последний миг тот успел судорожно протиснуться между треногами телекамер и опустился на

корточки, никому не смея мешать делать съёмку. Чермных с презрительной жалостью подумал: «Как ему приходится шустрить! А ведь он уже очень не молод!»

Сразу после перерезания ленточки состоялась экскурсия по офисному центру. Четырём почётным гостям интерьеры показывал сам Чермных, следом за ними шли журналисты, силясь всё расслышать и записать, а заодно и сделать снимки. Далее теснилась остальная публика, которая уже ничего не слышала из рассказа Чермных, а только таращилась на скользкий глянец плиточных полов, матовое сияние светильников, утопленных в подвесных потолках, и приглушённое свечение тонированных окон. Каморин подумал о том, как это странно: из всего разнообразия земных красок создатели офисов выбирают почти всегда лишь серые, жемчужные и палевые тона, как если бы всё яркое и радостное изначально было здесь под запретом.

Многие офисы уже обрели арендаторов. На это обстоятельство Чермных сразу с гордостью обратил внимание своих гостей. На табличках возле дверей занятых помещений были солидные надписи: «Туристическая компания ООО «Меридиан», «Негосударственный пенсионный фонд «Доверие», «Юридическая фирма «Мезенцев и партнёры» и т. п. Чермных стучался в их двери, церемонно спрашивал: «К вам можно?», после чего заходил внутрь с двумя или тремя гостями, а остальные толпились у входа. Каморин разглядел, что все помещения, разные по размерам, были примерно одинаковы по стилю: всюду одни и те же внутренние стеклянные перегородки, делившие пространства офисов на прозрачные отсеки, похожие на большие авкариумы, в которых вместо рыбок вяло шевелились люди, всюду одна и та же стандартная офисная мебель.

Когда гости добрались до конференц-зала на последнем, пятом этаже, то увидели, что там всё уже было готово для фуршета. Большой овальный стол в центре зала был заставлен широкими фарфоровыми блюдами с разложенными на них угощениями, о большинстве из которых обычный, не искушённый человек даже затруднился бы сразу сказать, что это и из чего сделано: там были канапе с сельдью, роллы с фруктами, форшмак, мясо в апельсинах, блинчики с икрой, карпаччо, сырные шарики, рулетки из баклажанов с сыром и чесноком, ломтики малосольной красной рыбы и иное. В каждое лакомство была воткнута крохотная пластмассовая шпажка. Гости сами накладывали себе на пластиковые тарелки то, что их прельщало, а шампанское всем наливали в бокалы девушки в синих фаргучках.

Чермных с облегчением заметил, что настырные журналисты отстали наконец от него и его гостей, обрадованные возможности поесть и попить на халяву. Все в зале разбились на кучки и жевали, негромко переговариваясь.

– Вы, наверно, уже просчитали, какие налоги будете платить с «Плазы»? – спросил у Чермных Финогин, осторожно надкусывая тартинку с форшмаком.

– Основной налог – на имущество. Это две целых две десятых процента от балансовой стоимости здания, приблизительно четыре с половиной миллиона рублей. Тогда как доход от сдачи всех площадей в аренду составит лишь немногим более двадцати миллионов. В соответствии же с недавними изменениями в Налоговом кодексе мы будем через год или два, после проведения кадастровой оценки, платить два процента от кадастровой стоимости здания, то есть приблизительно ту же самую сумму.

– Между тем все или почти все платят две целых две десятых процента не от балансовой, а от инвентаризационной стоимости недвижимости, и это получаются копейки... – вставил Кошелёв.

– «Плаза» – новый объект, у неё нет смехотворной инвентаризационной стоимости, зафиксированной в стародавние времена, а есть только балансовая, равная сумме реальных затрат на строительство, и она равна современной рыночной стоимости здания. К тому же я понимаю, как нужны государству налоги в наше сложное время...

– Да, как и прежде, у России лишь два надёжных друга – её армия и флот, которым не жалко отдать последнее, – веско заметил президент Ордатовской торгово-промышленной

палаты Завьялов, в очках, с дряблым, морщинистым лицом, похожий на пожилого бюрократа. – Лишь бы не было войны.

– Но что же мы задерживаемся здесь? – как бы удивился Чермных. – Для почетных гостей приготовлено особое угощение в моём кабинете. Пойдёмте.

Чермных направился к выходу из зала, за ним последовали VIP-гости. В коридоре, оглянувшись на своих спутников, он с недоумением и раздражением и даже, как ни странно, с внезапным испугом обнаружил, что вместе с ними за ним увязался вовсе незнакомый ему тип – высокий, худой, с неприятным лицом, корявым из-за какого-то дефекта кожи, с то ли выцветшими, то ли тронутыми ранней сединой жидкими льняными волосами. Незнакомец смотрел прямо на него напряжённым взглядом красных, воспалённых глаз, какие бывают от недосыпания или перенапряжения на работе с бумагами. «Злой крысёныш» – мысленно определил его Чермных. В облике зловещего незнакомца было нечто старческое, но всё-таки Чермных сразу понял, вернее почувствовал, что перед ним сравнительно молодой человек, лет тридцати с небольшим. Более того, Чермных догадался, что «крысёныш» непременно из «служивых», из «правоохранителей», в небольшом, разумеется, чине – словом, «шестёрка». И что послан он сюда по его, Чермных, душу.

Чермных испытал сильнейшее искушение немедленно остановить незнакомца словами: «А ты кто такой? А что тебе нужно?» И даже, может быть, сделать что-то ещё в случае малейшего сопротивления: схватить его, вывернуть ему руку, ударить – всё только затем, чтобы как-то выплеснуть своё раздражение и мучительное беспокойство. Но тотчас он осознал, что скандал ни к чему хорошему не приведёт, что незнакомец тогда лишь достанет своё служебное удостоверение и заявит публично, что находится здесь по делу. При этом выяснится, может быть, что он входит в свиту одного из VIP-гостей. Да, скорее всего, именно так, потому что перед ним явный исполнитель, «шестёрка», трепещущая в опасении не выполнить хозяйский приказ. Чермных повернулся и молча зашагал к лифту, остальные последовали за ним. Они спустились на третий этаж и прошли в его просторный кабинет, где под руководством Анжелы Чермных девушки из кафе на цокольном этаже расставляли угощение на огромном столе с необычной для офисной мебели столешницей из пластика тёмно-синего цвета, специально заказанной на случай приёма гостей и застолий в интимной обстановке. Блюда были из ресторана «Ордатов», дорогие и сытные: свинина с черносливом, тушёное мясо по-тайски, сёмга в винно-соевом соусе, рулеты с лососем, фаршированные креветками ананасы...

При виде богатого стола у Чермных отлегло от сердца. Ну что ему делает жалкий «крысёныш», хозяина которого он всегда ублажит и уговорит! Ему захотелось закрепить отрадную перемену в своем настроении, и для этого он знал простое средство – перемолвиться с Анжелой о чём-то забавном. Ну хотя бы о несчастном Каморине, которому приходится шустрить на старости лет и который сегодня так смешно попал впросак. Пока гости рассаживались, он вслед за Анжелой вышел в приёмную, примыкавшую к его кабинету, или «предбанник», как он шутя именовал это помещение. Там, за маленьким канцелярским столом возле двери в его кабинет, находилось рабочее место Александры, но самой её сейчас здесь не было: накануне они вместе решили, что незачем им афишировать свои отношения перед гостями. Анжела собиралась уже выйти из приёмной, когда Чермных остановил её вопросом:

– Видела, как сегодня Каморин корчился ради снимка? Он у тебя на все руки мастер: и фотографирует, и пишет. Сколько же ты ему платишь?

– Тринадцать тысяч, из них восемь на банковскую карту, остальное – в конверте, – небрежно, с лёгким удивлением в голосе ответила она.

– А ведь продавцы в продуктовых гипермаркетах Ордатова получают пятнадцать тысяч! Нельзя ли хоть для страховки прибавить ему тысяч пять-семь? Недооплаченные работники бывают не лояльны.

– Ну вот ещё! – возмущённо возразила Анжела. – От меня он и так никуда не денется, в его-то возрасте! К тому же как журналист он так себе. Характер у него не журналистский – скромненький, не «пробивной». Уж я не говорю про отсутствие у него диплома журналиста. Так что податься ему всё равно некуда. Бойким девчонкам-журналисткам я плачу больше именно потому, что им есть куда уйти. А мне содержание машины обходится как раз в те же семь тысяч в месяц! Если я прибавлю ему, придётся ломать голову над тем, где взять деньги на машину!

– Экая ты расчётливая! – насмешливо-снисходительно укорил он её.

– Ты прекрасно знаешь, что весь бизнес такой! Особенно малый! Все мои знакомые «малыши» плачутся о плохих условиях для предпринимательства, о том, что их обижают, а при этом платят своим работникам мизер и покупают себе коттеджи, машины и зарубежные туры! Потому что иначе какой смысл ввязываться в бизнес, в эту опасную игру, ставя на карту нажитое! Ты же сам говорил мне когда-то: «Найди себе игрушку подешевле или научись вести дело безубыточно». Вот я и научилась!

– Да, в этом ты молодец, – согласился Чермных. – Однако мне пора к гостям...

Когда он вернулся в кабинет, гости уже приступили к трапезе. Он с удовольствием втянул в себя воздух: от дорогих блюд пахлопряно, остро, вкусно.

– Предлагаю обмыть новостройку! – провозгласил Сторожев из «Деловой России», темноволосый крепыш с густыми, широкими бровями, из-под которых оживлённо блестели черные глаза. – Позвольте тост! Инвестора можно сравнить с пахарем, который засеивает землю и не ведаёт, появятся ли всходы из его семян, нальются ли колосья тяжестью нового урожая, позволят ли небеса убрать выращенное зерно без потерь. Подобно пахарю инвестор может лишь надеяться на удачу. Что поделаешь: рисковать – извечная мужская судьба. Так выпьем за то, чтобы сбывались надежды настоящих мужчин – создателей земных благ, пахарей и инвесторов!

Все чокнулись бокалами и затем с минуту неторопливо пили молча, смакуя дорогой коньяк Martell. Старик Завьялов с покрасневшим лицом перевёл дух и вопросительно взглянул на Чермных, как бы испрашивая его разрешение. Тот в ответ лишь слегка улыбнулся.

– Я хочу сказать от имени «Деловой России», – начал Завьялов голосом, приобретшим от коньяка глубину и бархатистость. – Всем россиянам, а инвесторам в особенности, нужна вера – вера в своё дело, в своё непростое предназначение, в свою страну. Именно веры нам, россиянам, порой очень не доставало, и это приводило к ужасным последствиям! Вспомним горестные слова Розанова после Октябрьского переворота: «Вся Россия слиняла в два дня». Недавно «болотные» пытались устроить новый переворот, втянуть страну в смуту, междоусобие, нарушить её мирное развитие. Им в тот раз не удалось осуществить задуманное, но от своих замыслов они, конечно, не отказались. Чтобы отвести нависшую угрозу, нам всем очень нужно верить в себя и свою страну, в Великого Бога Земли Русской! Поэтому выпьем за веру!

Все снова выпили и помолчали. Чермных понял: от него ждут тоста. Но желания врать что-то прочувствованное и снова глотать тягучий, обжигающий коньяк у него не было. Он уже выпил более, чем достаточно, и знал, что к ночи выпитое непременно отзовется скачком давления. А пока ему было тепло и хорошо, и всё, что ему хотелось, – это слушать приглушённое хриловатое воркование Азнавура из музыкального центра и наслаждаться вкусной едой. Вместо коньяка он плеснул себе в бокал минеральной воды, и все поняли, что тостов больше не будет. Финогин тоже налил себе минералки, остальные, кроме Завьялова, перешли на лёгкое вино Muscadet, и лишь Завьялов продолжал пить коньяк, заметно хмелея с каждым бокалом и упорно переводя разговор на политические темы:

– Всё-таки хорошо, что Крым наш! Это сплотило россиян вокруг власти, так что «болотным» осталось только сидеть и помалкивать. Обнажилась суть конфликта: власть отстаивает национальное русское дело, а «болотная» оппозиция – интересы Запада. Внешняя политика

стала осмысленной: в кои-то веки мы защищаем не вьетнамцев или ангольцев, а соотечественников. За это можно и умереть. На мой взгляд, и в Донбассе надо действовать решительнее.

– Получается, как в доброе старое время: народ и партия едины! – насмешливо заметил Кошелев.

– Так что же в этом плохого? Это гарантия стабильности в стране вопреки всем санкциям. Пусть без пармезана и кое-каких иных западных прелестей, мы всё-таки проживём, притом спокойнее, чем прежде.

– Но предприниматели могут быть на этот счет иного мнения, – вдруг вмешался молчавший до сих пор «крысёныш». – Среди них есть и сторонники оппозиции. Я знаю, что Сергей Борисович сказал как-то на собрании местного «Ротари-клуба», что *этому* государству налогов платить не нужно.

Чермных, лениво жевавший тушёное мясо по-тайски, едва не поперхнулся. Гости принуждённо засмеялись, словно неудачной шутке, а «крысёныш», довольный произведённым эффектом, рассматривал Чермных во все глаза, улыбаясь. Тот судорожно проглотил недожёванный кусок и постарался ответить как можно более сухо, спокойно, глядя не на «крысёныша», а на своих гостей:

– Не помню такого. Если и говорил что-то похожее, то переврали безбожно. Вы же знаете, как проходят собрания «Ротари-клуба»: всегда в каком-нибудь ресторане, за обедом или ужином. Там все подшофе.

После этого заговорили о другом, но Чермных остался под тягостным впечатлением нависшей беды. Слишком ясно было, что «крысёныш» явился неспроста и не к добру. Мерзавец явно хотел испортить торжество и нарушить его, Чермных, душевное равновесие, своего добился и этим, конечно же, не ограничится. Скоро он почувствовал давящую боль в темени и понял, что это подскочило давление. Досидеть до конца застолья ему едва удалось. Вечером, немного оклемавшись, он позвонил Финогину и спросил о «крысёныше»: что это за тип, откуда он взялся?

– А я думал у вас об этом спросить, – ответил как будто удивлённый Финогин. – Мне самому это интересно. Я сначала думал, что это ваш гость, но потом он сказал такую странную вещь...

– Мне показалось странным и кое-что ещё из того, что говорили сегодня. А именно о бизнес-инкубаторе.

– Ну это лишь благие пожелания. Мы как чиновники должны были на публичном мероприятии обозначить общественный интерес, отметить, что офисный центр – это хорошо, но городу особенно нужен бизнес-инкубатор...

6

Спустя три дня Чермных узнал, кто такой «крысёныш»: тот сам явился к нему в кабинет с предписанием начальника управления расследования налоговых преступлений Главного управления внутренних дел Ордатовской области Блинова от 26 мая 2015 года за номером 61/7397, которым предлагалось «представить сотруднику УНП ГУВД Сарычеву А. Н. для ознакомления на месте документы финансово-хозяйственной деятельности: договоры, счета-фактуры, накладные, платёжные документы, односторонние акты сверок, товарно-транспортные накладные и т. д. ЗАО «Кредо» за период с 2011 по 2015 годы».

– Получается, что это уже второй ваш визит ко мне без приглашения? – спросил Чермных, пытаясь насмешкой скрыть потрясение. – Или первый, в качестве инкогнито, не в счёт?

– И первый был нужен, – Сарычев криво усмехнулся, показав мелкие, неровные зубы. – Дело в том, что вы попали к нам в разработку, и мы изучаем вас основательно, со всех сторон.

– Чем же я обязан такой честью?

– Полагаю, что ответ на этот вопрос вы знаете сами. Если же вы его на самом деле не знаете, то ваше счастье. Скоро всё выяснится.

Сарычеву выдали требуемые документы и выделили кабинет, в котором он засел над бумагами. Едва он закончил, как из Главного управления внутренних дел поступили новые требования: нужно было представить список сотрудников, которые отвечали за поступающее сырьё, выполнение строительно-монтажных и отделочных работ, а также «заверенные копии документов за весь период взаимоотношений с ООО «Спецторг». А 10 сентября исполнявший обязанности начальника управления расследования налоговых преступлений ГУВД Сазонов подписал постановление об изъятии всей документации о хозяйственно-финансовой деятельности ООО «Кредо» за 2011-2015 годы.

Со стороны могло казаться, что Чермных воспринимает всё происходящее спокойно, но Александра заметила, что с началом проверок он осунулся и постарел. Вечером злополучного дня 10 сентября, когда началось изъятие документов, она заглянула к нему в кабинет, где всюду были видны следы обыска.

– Что же сидеть в разорённом офисе? Поедем! – позвала она его мягко и в то же время требовательно, как мать – ребёнка.

– Да надо же тут хоть немного привести всё в порядок... – он растерянно окинул взглядом пространство своего огромного стола и всего кабинета: всюду были бумаги, которые надо было собрать, рассортировать, куда-то сложить...

– Брось всё, как есть! Они же завтра снова здесь будут!

– А сейчас они уехали? Не оставлять же их одних...

– Только что уехали.

– Ну тогда и мы поедем...

Они спустились в лифте и подошли к стоявшему на парковочной площадке тёмно-вишнёвому автомобилю подчёркнуто обтекаемых форм, похожему на огромную мыльницу. При виде дорогой машины Чермных поморщился: чёрт дёрнул его купить Lexus ES накануне нынешней катастрофы! Совсем некстати дразнить следаков дорогой тачкой. А ведь всего лишь полгода назад эта покупка представлялась вполне разумной: выход строительства «Плазы» на финишную «прямую» он хотел отметить подарком самому себе. Кто же знал тогда, что нагрянет такая беда...

Александра подождала, пока они выедут на загородную трассу, и затем задала именно тот вопрос, которого Чермных боялся:

– Ты не хочешь мне рассказать о том, что происходит?

– Это наезд. Разве не ясно?

– И ты ни в чём не виноват?

– Безгрешных нет. Есть и за мной грехи...

– Посадить за них могут?

– Кто знает? Возможно...

– Значит, дело плохо. Когда могут посадить, то непременно посадят, если не откупишься.

– Если денег хватит, попробую.

– Нет, если дело серьёзное и ты увяз крепко, то наверняка потребуют отдать бизнес – твою «Плазу».

– Что сейчас гадать на кофейной гуще? Когда придут и потребуют, будет хоть какая-то ясность. А сейчас не стоит переживать раньше времени. Хотя понятно, почему ты это делаешь: ты уже привыкла чувствовать себя здесь хозяйкой. Формально от моего имени, фактически ты самостоятельно распоряжаешься сдачей площадей в аренду. Я же узнаю о твоих удивительных решениях постфактум, задним числом.

– Что же тебя удивило?

– Как можно было сдать компании «Дельта» восемьдесят квадратных метров всего за тридцать две тысячи в месяц? Это же всего четыреста рублей за метр! Пусть сейчас кризис, пусть помещение уже месяц простаивало, но всё-таки у нас офисный центр класса В+!

Не отрывая глаз от дороги, обозначенной в сгустившихся сумерках россыпью бегущих габаритных огней, Чермных всё-таки знал, что Александра сейчас ещё больше прищурила свои глаза, презрительно отвергая его доводы:

– Хорошо и то, что за четыреста удалось сдать, иначе офис и дальше стоял бы пустой. Хотя к чему сейчас об этом? Как говорится, снявши голову, по волосам не плачут...

Чермных знал, что в иное время Александра сказала бы ещё о том, что «Плазу» нельзя относить к офисным центрам класса В+ что она и до простого В недоотягивает, не имея даже удобной парковки. Что не из лучших и месторасположение: на шумной магистрали. Что в условиях кризиса очень скоро могут опустеть и офисы, сданные ранее по семьсот рублей за квадратный метр. Но вместо этого Александра только вздохнула. «Не хочет бить лежачего», – подумал он. – «Может быть, она уже совсем поставила на мне крест». Эта мысль разозлила его, и потому он сказал то, что должно было обидеть её наверняка:

– Насколько я помню, ты и раньше была знакома с хозяином «Дельты», Гартвиком. Не по знакомству ли ты устроила ему аренду подешевле? Или у тебя были какие-то другие расчёты?

– Да я с половиной арендаторов была и раньше знакома! Чего же ты хочешь в Ордатове? Всё-таки городок у нас не такой уж большой, а я работала в СМИ, делала рекламу... А твои подозрения насчёт моих частных расчётов в твоём бизнесе – это уже совсем полный бред. Хочешь уволить – увольняй. Нельзя бросаться такими обвинениями в адрес своего коммерческого директора и оставлять его на работе! Это просто глупо!

– Всё дело в том, что ты у меня не просто коммерческий директор, ты часть моей жизни, из которой я не могу тебя уволить, и ты прекрасно это знаешь...

Сразу после произнесения этих слов он почувствовал, что сказал неправду. Всё сейчас летело в тартарары – не только его бизнес, но и вся его жизнь. Так что в принципе можно было не особенно жалеть о «части» её... Но всё-таки Александру он не прогонит. Она будет с ним до тех пор, пока сама не захочет уйти. Потому что для него невыносимо причинять боль женщине, с которой он был по-настоящему близок. Этого он старался избегать всегда, со всеми своими женщинами, не исключая бывшей жены Мирры и даже своей полузабытой любовницы Лоскутовой, давно истлевшей в заброшенной могиле... К каждой из них он испытывал жалость, в каждой он угадывал наивную девочку. Может быть, так он воспринимал женщин оттого, что ему суждено было стать отцом двух дочерей... А что до Александры, то он до конца будет держаться за неё из жалости не только к ней, но и к себе. Сейчас, в смятении, она ему особенно нужна... Поэтому он сказал примирительно:

– Извини. Насчёт «Дельты» – это я зря. И ты права: нельзя, чтобы офисы пустовали...

– Не понимаю: зачем ты ввязался в дело, за которое могут посадить?

– Риск притягивает. В бизнесе рисковать приходится постоянно, к этому привыкаешь. Разве ты сама не чувствуешь в себе склонности к риску, авантюре?

Александра пожалела о том, что завела разговор на тяжёлую тему. Ей захотелось перевести его на забавное. Она вспомнила о том, что два раза к Чермных пытался пройти странный посетитель – весь, по словам охранников, в чёрном, рослый, мослакастый, с полуседыми волосами. Александра пообщалась с пришельцем по телефону, и тот сказал, что является старым знакомым Чермных и желает поговорить с ним. Каждый раз Чермных был занят с другими людьми, поэтому она предлагала необычному посетителю прийти в другой день.

– А ты знаешь, что к тебе два раза просился на приём чудной старик, худой, в чёрном? – спросила она. – Говорил, что он твой старый знакомый. Ты каждый раз был занят, к тому же я сомневалась: точно ли он твой знакомый? Может быть, какой-нибудь сумасшедший?..

– А-а, мой чёрный человек! – усмехнулся Чермных. – Я знаю его. Это неадекватный тип, я дал указание охране его не пропускать.

Справа от трассы островком света в океане непроглядной ночи показался посёлок Дубрава. Коттедж Чермных, ярко освещённый гранёными фонарями «под старину», был в хорошем месте: на краю посёлка, почти на опушке хвойного леса. И само по себе жильё притягивало взгляд: это был архитектурно вычурный комплекс из основного двухэтажного дома, двух жилых пристроек к нему, террасы и портика. Каждая из построек была облицована бежевым сайдингом и накрыта кровлей из бордовой металлочерепицы, так что всё вместе напоминало семейку прильнувших друг к другу подосиновиков с яркими шляпками. Справа от дома две липы высоко поднимали свои ветви, а перед ним, в середине большой круглой клумбы, росла туя. Чермных взглянул на всю эту тщательно рассчитанную, ухоженную красоту с сожалением: думал провести здесь старость, а не получается...

За ужином Чермных выпил две рюмки португальской мадеры из подаренной кем-то бутылки, чего ему совсем не следовало делать ввиду гипертонии, но уж слишком муторно было на душе. От усталости и с непривычки опьянение пришло быстрое и сильное: телу вдруг стало тепло и легко, а голова, напротив, потяжелела и наполнилась чем-то горячим, текучим. Он знал, что алкоголь расширяет сосуды и снижает артериальное давление, но это действие будет кратковременным и у гипертоника может смениться скачком давления, поэтому лучше поскорее лечь спать. Трудным усилием воли он поднялся из-за стола и затем заставил себя принять душ. Когда он вышел из ванной, Александра встретила его на пороге их общей спальни зовущим взглядом, но он прошёл по коридору мимо неё в свою отдельную спальню, пробормотав:

– Я устал сегодня...

Наутро Чермных проснулся с неизвестно откуда взявшимся знанием о том, что всё должно решиться именно в этот день. Пришедшим, может быть, просто оттого, что совершенно невозможным казалось продолжение уже так долго терзавшей его муки неопределённости и ожидания. Наверно, именно поэтому он захватил с собой, уезжая в офис, недопитую бутылку мадеры. И очень скоро стало ясно, что предчувствие не обмануло его: в десять часов утра Александра позвонила и сообщила, что с ним хочет говорить по телефону человек, который себя не назвал и сообщил только, что у него есть дело к руководителю ЗАО «Кредо» по расчётам с ООО «Спецторг».

«Вот он, охотник на мою шкуру!» – подумал Чермных и поспешно переключил стационарный телефон на своём столе на громкий звук, а затем включил диктофон на своём смартфоне. И лишь после этого сообразил, что говорить с ним будет, конечно, не первое лицо, а некий безвестный «адъютант», и непременно по мобильнику с безымянной «симкой». Так что записывать речь злодея бесполезно...

– Как дела, Сергей Борисович? – любезно, даже ласково спросил незнакомый, уверенный мужской голос, по которому Чермных понял, что его собеседник не старше сорока лет, образован и циничен.

– Что вам нужно?

– Я представляю ростовскую компанию «Фритрейд», которая желает зайти в ваш регион через приобретение офисного центра «Плаза» по выгодной для вас цене.

– Сколько?

– Пятьдесят миллионов рублей.

– «Плаза» стоит, как минимум, в четыре раза больше.

– Речь идёт не только об офисном центре. На кону есть ещё кое-что, очень дорогое для вас. По весьма достоверным сведениям, при выполнении одного казённого подряда вы значительно завысили стоимость материалов. В связи с чем вам будет предъявлено обвинение по части четвёртой статьи сто пятьдесят девятой Уголовного кодекса, которая предусматривает ответственность за «мошенничество, хищение чужого имущества путём обмана, совершённого»

ное в особо крупном размере». Это преступление наказывается лишением свободы на срок до десяти лет. Вам дадут поменьше – четыре года в колонии общего режима. Но это тоже не сахар, тем более в вашем возрасте, не правда ли?

– Этого можно как-то избежать?

– Да, вам дадут условный срок, но при условии, что вы кое-что сделаете для этого. Если вы предстанете перед судом в качестве богатого предпринимателя, владельца крупного офисного центра, процесс неизбежно приобретёт резонансный характер и станет показательным: на вашем примере всем покажут, как нехорошо и опасно наживаться за счёт бюджета, тем более на таком святом деле, как увековечение памяти павших воинов. То есть вы получите суровое наказание. И совсем другое дело, когда перед судом окажется скромный, ушедший на покой предприниматель, у которого всего имущества только его единственное жильё да несколько десятков миллионов рублей на счету в банке. Процесс уже не будет показательным, поэтому к вам отнесутся снисходительно.

– Я подумаю, – сказал Чермных только для того, чтобы отвязаться хотя бы на самый краткий срок и выиграть время для поиска спасительного выхода.

– Хорошо, подумайте. Я перезвоню вам завтра в десять утра.

Чермных машинально смахнул со лба капли испарины. Смысл сказанных ему слов он уяснил мгновенно: в случае отказа от предложения его ждет арест с немедленным предъявлением обвинения. Потому что говорить о его афере с таким знанием подробностей мог лишь тот, кто представлял реальную власть и получил информацию о результатах дознания из первых рук – от самих дознавателей. Значит, дело очень серьёзно. Что же предпринять? Может быть, пригласить журналистов, провести пресс-конференцию, рассказать о происходящем? А почему бы и нет, когда придумать что-то лучшее не удаётся? Не отдавать же «Плазу» просто так! И за решётку ему никак нельзя!

Чермных снял телефонную трубку и набрал внутренний номер:

– Александра, обзвони редакции газет, с которыми у нас договоры об информационном обслуживании, и пригласи завтра в десять журналистов на пресс-конференцию. И «Ордазовские новости» не забудь!

Александра хотела что-то возразить, но он оборвал её нетерпеливо:

– Я так решил! Выполняй!

Положив трубку, он потянулся к кейсу, в котором захватил из дома недопитую бутылку мадеры, достал её и глотнул прямо из горлышка, испытывая одновременно отчаяние и что-то похожее на облегчение: хоть какое-то решение принято! Да, скорее всего он обречён, но без боя не сдастся! Завтра в десять вместо разговора с вымогателем у него будет пресс-конференция!

7

Жилин проснулся глубокой ночью, охваченный мучительным беспокойством: что же делать с отцом? Во сне он увидел отчётливо, точно наяву, как снова пришёл проведать отца в его квартирке и снова, едва переступив порог, испытал чувство вины: почему так редко он бывает здесь? Следует чаще навещать старика, который, несомненно, тоскует один в своих четырёх стенах, среди старой мебели, доставшейся ему после развода, всей этой рухляди, памятной Жилину ещё с детства. В отцовской квартирке как бы закупорилась, законсервировалась атмосфера давно прошедших, дорогих им обоим лет. Каждый визит туда оказывался встречей с прошлым, одновременно отрадной и горестной...

Во сне проведать отца он пришёл вместе со своей женой Натальей, и при виде её на исхудавшем, измученном лице отца появилась вдруг безумная надежда. Он попросил её принести ему яду. Отец был уже очень плох, но всё-таки понимал, что сына об этом просить нельзя...

Проснувшись, Жилин несколько минут испытывал мучительное недоумение, не понимая, в каком времени он живёт. Это продолжалось до тех пор, пока он окончательно не пришёл в себя и не вспомнил о том, что отец умер от рака десять лет назад, что и Натальи нет на свете пять лет. Вспомнил он и о том, что случилось после тогдашнего, десятилетней давности, визита к отцу вместе с Натальей. Чтобы снова не услышать просьбу о яде, он больше уже не ходил к старику вместе с женой, а навещал его один, вечером после работы, каждый раз предлагая какую-то помощь, зная наперёд, что больной откажется от всего, даже от еды, что снова пожалуется на тошноту и горечь во рту, а на прощанье пообещает всё то же: «Я завтра умру». Самым страшным было то, что предстоящая смерть предполагалась явно не от болезни. В один из вечеров Жилин увидел у отца запёкшуюся кровь и порез на запястье, в другой раз – наваленное на полу посреди комнаты тряпье, местами опалённое, и обгоревшие спички вокруг...

У Жилина тогда возникло подозрение, что отец использует его для того, чтобы психологически накручивать себя, подталкивая к самоубийству, что старику нужен зритель для совершения непоправимого... И ему пришла в голову мысль, что для остановки ужасного сценария есть лишь один способ – на какое-то время покинуть больного. Оставшись один в квартире, в которую в ближайшие дни никто не придёт, тот волей-неволей успокоится. И не только из-за отсутствия «публики»: ни один человек не захочет, чтобы его тело после смерти долго лежало неубранное...

В тот год Наталье дали отпуск в начале июня, и они решили вместе съездить на море, всего на десять дней. Он предложил Крым, она согласилась и из крымских мест выбрала Евпаторию, где прежде не была. Когда он сказал об этом отцу, тот не возразил ни единым словом, лишь дал совет остерегаться обгорания на пляже: мол, в Евпатории дуют степные ветра, которые обманчиво притупляют чувство жары, поэтому там незаметно можно обгореть... Он тогда подумал ещё, что отец в совершенно ясном уме, раз помнит об особенностях Евпатории, где был почти полвека назад, вместе с женой и с ним, сыном, тогда всего лишь пяти лет от роду...

Они остановились в одном из самых дешёвых пансионатов Евпатории, дважды в день ходили на полупустой пляж, загорали там на белёсом, пылевидном песке, который набивался во все вещи, особенно в непоправимо распухавшие от него книги в бумажных обложках, купались в ещё довольно холодной воде, ели простую еду в пансионатской столовой, по вечерам смотрели у себя в номере телевизор и занимались любовью. В другое время он от всего этого чувствовал бы себя вполне счастливым, но на этот раз его угнетало беспокойство об отце. Однако звонить ему он не пытался и даже не оформил себе мобильный роуминг в Крыму, чтобы снова не услышать ужасное «я завтра умру».

Уже на обратном пути, в поезде, после того, как они въехали в пределы Ордатовской области, до него дозвонилась соседка отца и сообщила, что тот «потерял память». К вечеру того же дня он пришёл к отцу и увидел перед собой совершенно изменившегося человека. Отец, исхудавший, тщедушный, с застывшим выражением отчаяния, недоумения и испуга на лице, не узнавал его, рассказывал ему, всхлипывая, про своего сына Сергея, не мог назвать даже город, в котором находится, и по-прежнему отказывался от еды.

Жилин перевёз отца в свою квартиру и старался устроить его получше, но тот был беспокоеен, бродил по комнатам, выходил глубокой ночью из квартиры, а будучи достигнут на лестнице объяснял, что «пошёл спросить, почему поезд стоит». Однажды в отсутствие сына отец исчез, оставив входную дверь в квартиру распахнутой. По возвращении домой Жилин принялся обзванивать больницы, и в ближайшей ему сообщили, что отца босым подобрали на улице и госпитализировали благодаря сердобольным прохожим, которые вызвали «скорую помощь».

После «бегства» отца Жилин решил устроить его в хоспис, и тот умер там через несколько дней, привязанный к койке, потому что вызывал у персонала опасения. Медсёстры жаловались на то, что старик поднимал с койки своего соседа по палате, да ещё раздобыл

где-то и спрятал у себя нож. Врач Вадим Петрович пришёл к выводу, что у отца расстроена психика, и назначил ему уколы аминазина. Из случайно подслушанного разговора медсестёр Жилин узнал, что аминазин кололи и некоторым другим пациентам хосписа. Дома он заглянул в интернет и прочитал о том, что аминазин – «психотропное средство, применяемое в психиатрии для купирования психомоторного возбуждения». А ведь при госпитализации врач говорил ему, что отцу будут давать мягкое успокаивающее реланиум... Видимо, именно благодаря аминазину старик со второго дня пребывания в хосписе стал недоступен для общения.

Вообще очень странным местом было это заведение, занимавшее трёхэтажное здание бывшего заводского профилактория на окраине города: тогда, в летнюю пору, окружённое цветочными клумбами, зелёными газонами, ухоженными деревьями и уютными беседками, оно выглядело райским местечком, чем-то вроде очень хорошего санатория. Однако вся эта красота предназначалась не для пациентов хосписа, которых не видно было на живописных лужайках и в беседках. Не встречались они и в длинных, пустых коридорах на этажах – там посетителям попадались лишь медсёстры. Как ни странно, совсем не замечались санитарки, так что Жилин не мог понять, кто же ухаживает за лежачими. А между тем все больные в хосписе были лежачими. Поступавших туда в обязательном порядке переводили на строгий постельный режим и для надёжности искусственно обездвигивали при помощи успокаивающих средств и высоких металлических бортиков на кроватях.

Впрочем, в случае с соседом отца по двухместной палате, умиравшим от рака сорокалетним мужиком, у которого из-за отёка брюшной полости чудовищно раздулся живот, бортик был нужен, наверно, только для того, чтобы несчастный не упал с кровати. Однако отец своим затуманенным сознанием воспринял это ограждение как отвратительное насилие над человеком и взялся за благородное дело «освобождения» ближнего. Сняв соседский бортик, старик навлёк на себя репрессивные меры. Правда, в хосписе и свободу его самого существенного ограничили сразу после госпитализации, лишив даже возможности самостоятельно ходить в туалет, хотя доковылять до унитаза он был ещё вполне в состоянии и дома с этим проблем не имел. Жилин испытал потрясение, когда ему сказали в хосписе, что нужно купить и привезти памперсы и пластиковое судно-стульчак.

Отец был госпитализирован в четверг двадцать восьмого июня, а привязанным его за руки к койке Жилин увидел уже в пятницу вечером, когда после работы пришёл проведать его. Старик смотрел куда-то в потолок невидящим взглядом и не издавал ни звука. К тому времени всё начальство хосписа уже разъехалось до понедельника, на месте оставался только один дежурный врач, который не смог бы взять на себя ответственность за выписку пациента, если бы Жилин потребовал этого. Но в тот день такое решение у Жилина ещё не созрело. Ведь он и понятия не имел о том, что же ему делать с беспокойным умирающим. На следующий день, в субботу, Жилин увидел отца привязанным уже не только за руки, но и за ноги, и возмутился, потребовал у дежурного врача и медсестры развязать его. В воскресенье первого июля Жилин в последний раз видел отца живым. Старик лежал с закрытыми глазами, привязанный к кровати за одну руку и одну ногу. Жилин предложил отцу воды, и тот, не открывая глаз, свободной рукой сам ухватился за стакан, а когда кончил пить, ещё с минуту продолжал крепкой хваткой удерживать посуду, так что Жилину пришлось приложить немалое усилие, чтобы забрать её. Он подумал тогда, что отец, бывший штангист, хотел в последний раз дать ему почувствовать свою силу, которой гордился всю жизнь.

В воскресенье у Жилина уже вполне созрело желание забрать отца из хосписа. Он решил, что отвезёт старика в его «родные пенаты», куда, наверно, тот и пытался вернуться в день «бегства». И затем будь что будет! В понедельник утром Жилин договорился с училищным начальством об отгуле, благо в тот день у него была только одна «пара», и уже собрался ехать в хоспис, как оттуда ему позвонили и сообщили о смерти отца.

Через полтора часа, когда Жилин приехал в хоспис, тела отца там уже не было: его отвезли в морг при муниципальном похоронном предприятии. Пятидесятилетний врач Вадим Петрович, грузный, с двойным подбородком и величавой миной на ещё довольно красивом лице южного типа, сказал сочувственно:

– Виктор Константинович умер в четверть восьмого утра. Примите наши соболезнования. Не думал, что он уйдёт так скоро...

– Как будто старик мог протянуть дольше на аминазине, которым «вырубают» буйных психов! А ведь при госпитализации мне говорили, что ему будут давать реланиум!

– Дело в том, что у него было серьёзное психическое расстройство, – сказал врач, протянув Жилину справку о смерти. – Наверно, он уже давно был болен...

Жилин схватил бумагу и торопливо вышел из кабинета.

– Что, получил свою справку? – с глумливой ухмылкой спросил его внизу, на выходе, усатый вахтёр.

Жилин молча прошёл мимо, думая о том, что заслужил эти презрительные слова. Ему следовало раньше догадаться он о том, что этот хоспис – просто заведение для быстрого спроваживания на тот свет неудобных больных. Это же своего рода «фабрика», где смерти поставлены на поток, где умирают в год, кажется, четыреста человек. Здесь привыкли иметь дело с никому не нужными доходягами, родственники которых желают лишь поскорее получить справки о смерти для похорон и оформления наследства. Как мог он ожидать иного, прожив всю жизнь в Ордатове? Он жалел о том, что не успел забрать отсюда отца. Хотя что он делал бы с безумным?

Раздумывая о смерти отца, всякий раз Жилин испытывал недоумение. Невозможно было понять, почему в последние дни старик потерял рассудок: то ли его мозг был отравлен раковыми ядами, то ли помешательство развилось от тягостных душевных переживаний в ожидании смерти, то ли мышление пострадало от перенесённого в одиночестве инсульта. Но вот что было необычно в его случае: отсутствие жалоб на боли, от которых, как правило, ужасно страдают умирающие от рака...

...Почему же приснился ему сон про умирающего отца? Когда окончательно проснувшийся Жилин задал себе этот вопрос, то мгновенно нашёл ответ. Да потому, что уже несколько дней он подозревает рак у себя самого! Не на эту ли болезнь указывала температура, которая уже неделю держалась в пределах 37,2-37,4 градусов, без каких-либо иных признаков простуды? То же самое было десять лет назад с его отцом. Ещё Жилин заметил у себя отсутствие аппетита, чувство полноты в желудке и поташнивание после самой скудной трапезы, а также довольно быстро нарастающую слабость – всё то же, на что жаловался его отец в последний год своей жизни.

Впервые осознав всё это, Жилин похолодел и предпринял жалкую попытку успокоить себя: ведь ещё ничего не известно точно, ставить диагноз – это дело специалистов... Но он припомнил всё, что читал о наследственной предрасположенности к раку, и в глубине души почувствовал себя обречённым.

Терапевт районной поликлиники со смешной фамилией Колзикова назначила ему обычные анализы, а когда результаты их были готовы, она долго, молча изучала справки и затем выписала направление в онкологический диспансер. На прощанье она взглянула на него быстрым, уклончивым взглядом и тихо сказала, что «это нужно затем, чтобы исключить самое плохое». Он с ужасом подумал о том, как же ему быть, когда подтвердится это «самое плохое».

На примере отца Жилин знал, что принять известие о своей близкой смерти невозможно, не сломавшись душой. На его глазах с Жилиным-старшим, узнавшим про свой диагноз, произошла разительная перемена. Для бедняги будто сразу потеряло значение всё то, чем он жил до сих пор. Заядлый спортсмен, поменявший к старости штангу на большой теннис, он сразу перестал ходить на корт. Новообращённый православный христианин, испукавшийся, казалось,

свое многолетнее членство в КПСС чрезмерным, демонстративным рвением в выражении веры, он резко охладил ко всему церковному. И даже в общении с близкими он стал рассеян, выслушивал их слова участия невнимательно, отстранённо, весь явно подавленный свалившейся на него бедой. «Я словно приговорён к расстрелу», – сказал он за полтора месяца до смерти.

Жилин думал порой, что прежние отцовское ежедневное исповедание веры, все его благочестивые речи, размашистые крестные знамения и развешанные на стенах иконки и портреты патриарха (в соседстве с вырванным из журнала фото Маши Шараповой в задравшейся теннисной юбочке, с задорной подписью: «Хороша Маша и наша!») были для него отчасти заговором, ворожкой для отведения беды. Ну а когда беда всё-таки пришла, эти «обереги» обесценились. Как и многое иное, наполнявшее прежде его жизнь. Быть может, не только увлечение теннисом, но даже отношения с близкими были для отца только чем-то внешним, дополнительным по отношению к сокровенному миру его души, – тому, что составляло его глубинную сущность и что было раздавлено диагнозом, равнозначным приговору к смерти.

Хотя с отцом медработники были деликатны. Конечно, настолько, насколько это было возможно применительно к вполне рядовому для них случаю, одному из множества тех, с которыми в стационаре при областном онкологическом диспансере имеют дело ежедневно. После того, как отец прошёл там ультразвуковое исследование печени, врачи не сказали ему об ожидающей его через несколько месяцев смерти, – напротив, его подробно просветили насчёт того, как надо правильно питаться для борьбы с онкологическим заболеванием: исключить из рациона кофе, шоколад, копчёности и алкоголь, отдавать предпочтение овощам, фруктам, молочным продуктам, кашам и рыбе. Как если бы всё это ещё имело в данном случае какой-то смысл.

Впрочем, подобная «деликатность» по отношению к отцу стоила немного, поскольку тот скоро сам всё понял. После посещения диспансера отец обрисовал ожидающую его перспективу словами: «Тяжело лечение – легко в раю» – ироническим вариантом суворовского девиза. Жилин догадался, что эту поговорку отец подцепил в коридоре диспансера, в очереди на приём к врачу, и что это своего рода больничный фольклор, передаваемый поколениями доходяг друг другу.

На очередной приём Жилину-старшему было назначено явиться вместе с кем-то из родственников, и в тот день вместе с отцом в диспансер поехал сын. Пригласив Жилина-младшего отдельно в свой кабинет, врач сообщил, что у отца неоперабельный рак с обширными метастазами в печени. Всё, что можно сделать для больного, который «тяжелеет на глазах» и проживёт только месяца два, – это «обеспечить комфорт».

И вот теперь столь же «деликатны» по отношению к ему самому. Он повертел в руках выданное ему направление. Вместо диагноза там значилось: «ЗНО?». Аббревиатура с вопросительным знаком, призванная уберечь его психику, была вполне прозрачна, обозначая «подозрение на злокачественное новообразование». Кажется, это же написали в свое время и в направлении, выданном его отцу.

На следующий день после двух лекций в училище искусств, где Жилин преподавал предмет под названием «Основы философии», он отправился в онкологический диспансер. Как и прежде, десять лет назад, семиэтажный больничный корпус уже снаружи произвёл на него гнетущее впечатление. Он подумал, что все здешние пациенты, госпитализированные, амбулаторные и просто состоящие на учёте, исчисляются тысячами. И что при таких огромных масштабах деятельности учреждения рассчитывать на подлинное внимание и участие к твоей персональной судьбе в этих стенах просто смешно. Диспансер похож на большую фабрику, где пациент – всего лишь очередная деталь на конвейере.

Как всем впервые поступившим, Жилину было назначено ультразвуковое исследование, которое выявило утолщение стенок желудка до двадцати миллиметров – в десять раз больше нормы. Врач о диагнозе с ним говорить не стал, а пригласил в свой кабинет его дочь Ольгу,

приехавшую с ним в диспансер на следующий приём. То, что она услышала, звучало страшно: диффузная низкодифференцированная аденокарцинома желудка. Врач пояснил, что раковой опухоли в обычном понимании этого слова нет, что очаг рака находится в толщине стенок желудка под слизистой оболочкой и его не разглядеть даже с помощью гастроскопии. До него можно добраться, только сделав биопсию и ещё умудрившись, не видя, будто вслепую, зацепить именно тот участок, где прячется рак. И такие участки могут быть рассеяны по окружающим здоровым тканям наподобие кусочков мозаики. Что касается лечения, то оно может быть только паллиативным, и его назначит районный онколог, принимающий в поликлинике по месту жительства больного.

Из того, что она услышала от врача, Ольга не поняла почти ничего. Отцу она пересказала лишь то, что показалось ей наиболее утешительным: раковой опухоли в обычном понимании этого слова у него нет. Жилин усмехнулся, заметив на лице дочери знакомое ему выражение: в свои детские годы вот так же, слегка наклонив русую головку вперёд, уставившись исподлобья, она сочувственно-строго уговаривала кукол, что-то внушала им...

Кому-кому, а Жилину никакие внушения и утешения не требовались. В кармане у него лежала справка для предъявления на работу, из которой было ясно почти всё: «Гр. Жилин С.В. 1959 г.р. посетил диспансерное отделение ГУЗ «Ордатовский областной онкологический диспансер» 22 сентября 2015 г. по поводу аденокарциномы желудка ТхNxM1». В графе «больному рекомендовано» было только три слова: «Обратиться к районному онкологу».

Жилин знал, что о стадии рака вполне определённо можно судить по тому, какое назначается лечение. Ведь у онкологов есть правило: маленький рак – большая операция, большой рак – маленькая операция. А в его случае вообще всякую операцию врачи посчитали излишней. Точно так же было и с его отцом.

Всё-таки, не ограничиваясь общим представлением о своём состоянии, Жилин навёл ещё по интернету справки о том, что кроется за абракадаброй ТхNxM1. Почерпнутые им сведения оказались неутешительными: цифры от 1 до 4 обозначают стадии болезненного процесса, характеризуя степень развития опухоли (Т, от латинского tumor), поражения лимфатических узлов (N от nodes) и распространения метастазов (M). В тех случаях, когда степень выраженности какой-то характеристики выявить не удалось, после прописной ставится строчная буква х. Однако наличие хотя бы одного метастаза во внутренние органы, – а на факт обнаружения его указывала цифра «1» после прописной «M» в выданной ему справке, – всегда означает рак четвёртой, финальной стадии. Из этого следовало: надо готовиться к смерти. Как это пришлось делать десять лет назад его отцу. Жилин вспомнил свой тогдашний разговор с лечащим врачом отца.

– Но разве нельзя попробовать химиотерапию и облучение? – спросил Жилин после того, как врач дал понять, что дни отца сочтены.

– Попробовать можно, но вы должны понимать, что из этого вряд ли что-то выйдет, кроме лишних мучений для больного, – спокойно ответил онколог Владислав Александрович, седовласый, импозантный, ухоженный, и на его холодном лице отразилось что-то похожее на сострадание. – Учитывая стадию болезни и возраст больного, нельзя не признать, что надежд практически нет. Обратите внимание: Виктор Константинович старше едва ли не всех, кого вы встретите в здешних палатах... Но если вы очень хотите, мы можем попробовать что-нибудь дополнительное, без всякой гарантии успеха, конечно. Собственно говоря, я и сам хотел это вам предложить. Но только и вы пойдите нам навстречу. Вы же преподаете в училище искусств? Вот было бы хорошо, если бы вы организовали концерт в день рождения нашего главврача...

Тогда Жилин сразу, не раздумывая, отказался от неожиданного предложения и прекратил разговор с врачом. Впоследствии он часто раскаивался в своем поспешном решении, хотя не знал, как же ему следовало поступить. Ведь в любом случае отец с его метастазами в печени был обречён. Но бедняга не мог спокойно смириться с неизбежным или, может быть, ему про-

сто хотелось думать, что сын сделает всё для его спасения. Потому что кто же ещё, кроме отца, мог сказать врачу, что Жилин-младший работает в училище искусств? И не потому об этом было сказано, что отец увидел в этом свою последнюю надежду – соломинку для утопающего?..

А между тем Жилин знал почти наверняка: концерт для главврача, пусть и со скрипом, организовать удалось бы. Конечно, училищное начальство старалось не допускать привлечения учащихся на корпоративные мероприятия, дабы не возникало подозрений в мздоимстве и эксплуатации подопечных, но из этого правила делались исключения, и одним из них вполне мог стать случай с тяжело больным отцом своего сотрудника. Но что-то смутило Жилина, не позволив ему откликнуться на предложение врача. Что же именно? Об этом он потом думал не раз. Наверно, дело было не только в том, что лечение рака в последней стадии считалось заведомо безнадежным, о чём сам врач и предупредил. Прежде всего, Жилину не хотелось просить начальство об услуге, за которую, независимо от её результатов, пришлось бы потом чувствовать себя обязанным по гроб. И самое главное, ему претила сама идея о том, чтобы допустить посторонних в такую личную, даже интимную сферу, как болезнь и смерть его отца. Чтобы для утешения эскулапов молодые лабухи, пряча улыбки, наяривали по соседству с умирающим свой привычный репертуар: рапсодию для скрипки «Цыганка» Равеля, скерцо для домры «Хоровод гномов» Баццини, концертино для тромбона Давида... Даже думать об этом ему было тошно...

Десять долгих лет Жилин убеждал себя в том, что своим отказом от устройства корпоративного концерта он помог отцу уйти более достойно, без лишних страданий и суеты. Но сейчас, когда та же беда постигла его самого, он больше, чем когда-либо до сих пор, сомневался в правильности своего тогдашнего решения. Ведь химиотерапия могла хотя бы продлить отцу жизнь. Пусть не надолго, только на несколько недель. Но ведь известно: перед смертью не надышишься... Может быть, ему самому у последней черты страстно захочется получить ещё несколько недель жизни, и ради этого он с радостью согласится на мучительные медицинские процедуры?.. И ведь это ещё не всё, ещё существеннее, быть может, то, что лечение всегда связано с надеждой на чудо, на исцеление. Он лишил отца в его последние дни этой надежды. А ведь ему самому захочется, наверно, надеяться на что-то и на пороге смерти. Скоро он всё это узнает совершенно точно: это откроется ему в последние дни...

Но пока Жилин умирать не собирался. Он даже не думал о своей предстоящей смерти всерьёз, «предметно», как о ближайшей проблеме. Зачем торопить неизбежное? На это ещё будет время. Ему осталось, по его приблизительным прикидкам, месяца три. Именно столько, как минимум, живут больные, у которых выявлен рак в стадии T_xN_xM₁, судя по информации в интернете. Он взял за ориентир наименьший срок, чтобы не просчитаться в надежде на лучшее. И по крайней мере первый месяц он будет ещё относительно бодр и подвижен. Это драгоценное время нельзя тратить на бесполезные затеи вроде дополнительных медицинских обследований. От них десять лет назад отказался и его отец, когда окончательно уяснил свою ситуацию. Хотя врач предлагал старику продолжить обследование, мотивируя это тем, что обнаружены только метастазы в печени, а первичный очаг не найден и надо бы его отыскать...

Ясно, почему отец ответил отказом: он понял, что всё дело в нежелании врача допустить маленькую недоработку, невыгодную для репутации лечебного учреждения и медицинской статистики. А именно смерть больного с невыясненной локализацией первичного рака, которую нужно учитывать в особой графе, предназначенной для подобных «тёмных» случаев. Лечить же отца онколог и не собирался, сразу заявив о том, что не назначит ни химиотерапии, ни облучения, ни операции, которые в данном случае бесполезны. Между тем сам пациент наверняка догадывался о том, как возникла его роковая болезнь: он помнил про свой застарелый простатит и знал о способности этого мужского недуга переходить в рак. И его совсем не привлекала перспектива пройти малоприятные процедуры только для того, чтобы в его истории болезни и свидетельстве о смерти появилась запись: «рак простаты»...

Что же касается Жилина-младшего, то ему никаких дополнительных обследований и не предлагали. Для врача его случай был совершенно ясен и интереса не представлял. Неужели болезненные изменения, произошедшие с ним, уже настолько очевидны? Жилин подошёл к зеркалу и всмотрелся в своё изображение: бледное, осунувшееся лицо, мешки под глазами, изборождённый морщинами лоб, увенчанный жидким зачёсом поверх плешивого темени, и усталость, мёртвая усталость в каждой чёрточке... «Краше в гроб кладут!» – подумал он испуганно. Правда, крупное тело его, скрытое под домашним халатом, всё ещё могло казаться солидным, но он-то знал, что каждая клетка его налита свинцовой тяжестью. И самое главное, в этом теле неутомимо и непрерывно совершал своё страшное действие рак. Приходилось признавать очевидное: дела его действительно плохи, хуже некуда. Только представить себе: вот эта рука, вот эта голова уже через полгода будут гнить, надёжно укрытые двухметровой толщей земли, как нечто скверное и опасное... И кто знает, как ещё придётся страдать перед смертью...

Что ж, умирать рано или поздно нужно каждому. И смерть от рака имеет хотя бы то достоинство, что не приходит неожиданно. У него есть время на подготовку к неизбежному. Что же следует сделать?

Подумав, он решил, что прежде всего надо уволиться. Когда осталось жить всего лишь несколько месяцев, нет смысла ходить на работу. У него есть сбережения, сто сорок тысяч рублей – немного, но вполне достаточно, чтобы скромно прожить хоть целый год, которого у него не будет. Он отнесёт в училище заявление уже завтра.

На следующий день с утра Жилин поехал в училище. Как всегда, с непонятым волнением он вошёл в бесцветную каменную трёхэтажную коробку училищного здания, единственной приметной особенностью которого был массивный железобетонный козырёк над входом, лежавший на пилонах. Уже на подходе стала слышна музыкальная разноголосица: одновременно в одном конце здания пиликала скрипка, в другом басовито ворчал фагот, а из актового зала доносились торжествующие раскаты тромбонов и труб: там репетировал эстрадный оркестр. Директор училища Ободов, седовласый и седоусый, с чёрными насупленными бровями, как всегда, встретил вошедшего подчинённого с выражением взыскательной строгости на лице. Жилин положил на стол перед ним две бумаги: справку из онкологического диспансера и заявление об увольнении. Пробежав глазами бумаги, директор поднял на Жилина недоумённый взгляд.

– Мой диагноз – рак в последней стадии, мне осталось жить три месяца... – наскоро объяснил Жилин.

Ломать всё расписание занятий из-за какого-то преподавателя основ философии директору очень не хотелось, но разве можно заставить отработать положенный срок человека, доживающего последние недели? Если, конечно, диагноз верен... Пошевелив в замешательстве усами, директор взмолился:

– Ну хотя бы дня два, пока мы найдём замену...

– Ни дня! – решительно отрезал Жилин. – Делайте, что хотите! Мне сейчас не до этого. Директор взглянул на осунувшееся, ожесточённое лицо Жилина и сдался:

– Хорошо, я подпишу. Сейчас получите трудовую и расчёт, если в кассе найдутся деньги...

Деньги нашлись, и уже через час Жилин вернулся домой.

8

О том, что над Чермных сгустились грозовые тучи, Каморин узнал, как ни странно, одним из последних в городе. Хотя ничего странного в этом, в сущности, не было: газета, в которой он работал, специализировалась на заказных, сплошь положительных публикациях, поэтому

вести о местных скандалах и событиях из разряда криминальной хроники доходили до её сотрудников столь же медленно, как до рядовых обывателей. А в данном случае распространению негативной информации в маленьком редакционном коллективе мешало ещё и то, что Чермных был владельцем газеты. Если кто-то из своих и слышал о хозяине что-то недоброе, то остерегся бы распространять за его спиной дурные вести о нём. Так что полной неожиданностью явилось для Каморина приглашение на пресс-конференцию Чермных с заранее обозначенной темой: «Притеснения ЗАО «Кредо» и ООО «Синергия» правоохранителями».

За четверть часа до назначенного времени Каморин подошёл к офисному центру «Плаза» – пятиэтажному кубическому зданию, облицованному тёмно-серым сайдингом, со сплошными широкими полосами витражей из тонированного стекла, пронизывающими фасады снизу доверху. Похожая на огромную призму из графита, «Плаза» в любую погоду выглядела траурно, отчего ордатовцы окрестили её «чёрным обелиском». Каморин подумал о том, насколько опрометчив оказался Чермных в своих расчётах: собирался на старости лет спокойно пожить на стабильный доход от сдачи в аренду коммерческой недвижимости, но только приобрёл могущественных врагов, загоревшихся желанием заполучить офисный центр класса В+ в центре города. Между тем в этот объект были вложены средства, которые Чермных получил от продажи почти всех своих ранее нажитых активов, плюс труд коллектива строительного подразделения своего ЗАО «Кредо». Затем немалых усилий потребовало обустройство «Плазы», для управления которой было учреждено ООО «Синергия» с целым штатом сотрудников – менеджеров, охранников, слесарей и уборщиц. А теперь, вместо того, чтобы безмятежно наблюдать за нехитрой деятельностью «Плазы» и получать приносимые ею прибыли, Сергей Борисович вынужден защищаться...

Каморин толкнул стеклянную дверь и оказалась в вестибюле. Сразу у входа был стол, за которым сидел пожилой охранник, а рядом с ним стояла очень красивая платиновая блондинка. Вот только лицо у неё было напряжённым.

– Вы журналист? – спросила красавица прежде, чем Каморин успел что-то сказать.

– Да, из «Ордатовских новостей»...

– У нас сейчас идёт выемка документов, и у входа в офис на третьем этаже стоят омоновцы. Не говорите им, что вы журналист и идёте к Чермных, скажите, что вам нужно в отдел кадров ООО «Синергия» для переговоров с целью трудоустройства на должность инженера по снабжению. Поднимайтесь на третий этаж по лестнице, потому что лифт отключён.

«Значит, на самом деле у Чермных серьёзная беда», – думал Каморин, карабкаясь по лестнице.

Выход с лестничной площадки в помещения третьего этажа ему преградила пара автоматчиков в натянутых на головы чёрных вязаных шапочках с прорезями для глаз. Рядом с ними крутился лощёный господин лет сорока, стриженный «ёжиком», в обычном сером чиновничьем костюме.

– Вам куда? – спросил господин, когда Каморин подошёл к двери.

– В отдел кадров ООО «Синергия» для трудоустройства на должность инженера по снабжению.

– И я туда же, хочу работать экономистом, – произнёс за спиной Каморина незнакомый ему женский голос.

– Ничего у вас не получится! – уверенно заявил господин в цивильном костюме. – Я знаю, из каких вы газет. Управление по налоговым преступлениям ГУВД по Ордатовской области проводит здесь выемку документов и просит не мешать.

Каморин растерянно обернулся и встретил взгляд серо-голубых глаз привлекательной девушки с короткой, почти мальчишеской причёской в стиле Коко Шанель. Он вспомнил, что это Татьяна Кардаш из «Ордатовской недели», улыбнулся ей и кивнул в сторону лестницы:

мол, делать нечего, пойдёмте отсюда. Она послушно пошла за ним, потрясённая увиденным. До сих пор сталкиваться лицом к лицу с омоновцами в масках ей не доводилось.

– Какой ужас! – заговорила она взволнованно. – Такое чувство, что мы все под колпаком у спецслужб и тридцать седьмой год повторяется!

– Я думаю, он сказал, что знает нас, только для того, чтобы произвести впечатление, – отозвался Каморин, вполоборота разглядывая Татьяну. – Не такие уж мы знаменитые...

– Да уж вас-то он знает, конечно, если занимается делами Чермных. Вы же ведущий журналист в «Ордатовских новостях»!

– Нет, там есть помоложе и побойчее...

Когда они спустились в вестибюль, их жестом позвала к себе красавица-блондинка. Она стояла с мобильником в руке, вслушиваясь в голос телефонного собеседника.

– Идите на второй этаж, в комнату номер двести пятнадцать, – дрогнувшим голосом сказала она Каморину и Татьяне, когда те подошли. – Там производственно-технический отдел ЗАО «Кредо». Едва ли он заинтересует полицию. Чермных обещал туда подойти.

Каморин и Татьяна молча развернулись, поднялись на второй этаж и там без труда отыскали ПТО. В большой комнате за одним из четырёх столов одиноко сидел перед дисплеем пожилой мужчина в очках, с остатками рыжеватых волос на темени.

– Сергей Борисович скоро будет, а вы пока присаживайтесь, – сказал он вошедшим.

Через пять минут пришли еще две молодые журналистки, не знакомые ни Каморину, ни Татьяне. Последним из представителей прессы подошёл Евгений Колоткин из «Ордатовской правды» – импозантный, подтянутый, непринуждённый, похожий на предпринимателя. Все скоро заскучили в ожидании Чермных. Каморин прислушивался к вялой беседе своих коллег. Впрочем, говорили больше две молодые подружки, Елена Белгова и Инна Веремеева, представлявшие местные редакции больших общероссийских изданий, а Колоткин лишь изредка вставлял реплики и внимательно поглядывал на Каморина и Татьяну, кажется, что-то соображая на их счёт.

– Просто кошмар! – воскликнула писаная красавица Елена, встряхнув каштановой чёлкой и надув губки. – Маски-шоу в бизнес-центре! И ещё говорят о поддержке бизнеса!

– Подобное было и на пивоваренном заводе, – тихо заметила Инна, девушка на вид чуть помоложе и попроще подружки, но тоже очень привлекательная, с задумчивым взглядом карих глаз. – Там директор кричал, что это попытка рейдерского захвата. Мы ничего об этом не напечатали. Редактор сказал, что это дело правоохранительных органов, что нужно дождаться официальных результатов расследования...

– А правоохранители уже на месте! – хмыкнул Колоткин.

– Ясно, что и на этот раз мы ничего об этом публиковать не будем, хотя бы Чермных озолотил нас! – за всех сделала очевидный вывод Елена. – Непонятно только: зачем вообще нас позвали сюда? Для острастки омоновцев, что ли?

– Не очень-то они нас стесняются! – снова хмыкнул Колоткин.

Каморин подумал о том, что обращение в подобных случаях к журналистам – это заведомо безнадёжная попытка ухватиться за соломинку. Однако он не сказал этого, зная о том, что притихший за своим столом начальник ПТО Агошков не преминет передать Чермных высказывания журналюг. Судя по скорбному виду, с каким Агошков поглядывал на гостей, они ему не очень нравились.

– Неужели предпринимателям ничего доказать нельзя? – как бы впервые удивилась этой мысли Елена.

– Да уж нельзя, наверно, потому что всё хитро делается, – ответила Инна. – И непонятно, кому доказывать. Ведь это должны быть тоже правоохранители, только какие-то другие, честные...

– Делается всё не так уж хитро, по схеме довольно простой, но очень надёжной, – возразил Колоткин. – В каждом бизнесе всегда найдутся какие-то нарушения, и не много фантазии нужно для того, чтобы раздуть их до серьёзных масштабов. Затем владельцу объясняют, что выбор у него небольшой: либо он дёшево продаст активы кому скажут, либо его замучают проверками, разорят штрафами, а то и посадят.

– И после серии перепродаж активы переходят в собственность родственников или друзей инициаторов «наезда» на предпринимателя! – радуясь своей догадливости, воскликнула Елена. – Или они получают на свои зарубежные счета разность между действительной ценой активов и продажной! Я об этом слышала!

– Ну вот видите: это на самом деле совсем не сложно, – спокойно заключил Колоткин.

– Только не надо идеализировать бизнес, особенно малый! – с неожиданным оттенком личной обиды заявила Инна. – Во всех СМИ принято умиляться: ах, какие «малыши» смелые и стойкие! Как героически они преодолевают всяческие препоны! А между тем нет эксплуататоров более жестоких, чем мелкие хозяйчики! Они ведут дела вроде бы по-семейному, по-домашнему: по праздникам садятся со своими работниками за один стол, преподносят им небольшие подарочки, но зато и работать заставляют сверхурочно, и отпуска дают коротенькие и без отпускных, и зарплату официально платят минимальную, остальное – в «конверте», и увольняют запросто.

Каморин печально поник головой: в редакции «Ордатовских новостей» всё было именно так, как говорила Инна.

Чермных появился перед журналистами только спустя полчаса, с папкой в руках. Каморина, не видевшего его года два, поразили перемены в его облике: лицо стало одутловатым, тело ещё больше погрузнело, глаза потускнели. Он казался напряжённым, смятённым. При появлении шефа начальник ПТО сразу поднялся и вышел, освободив ему место за своим столом. Тот сначала раскрыл папку с бумагами, подошёл к журналистам, торопливо положил перед каждым несколько листков бумаги, соединённых скрепкой, и затем сел. Помолчав с полминуты для того, наверно, чтобы журналисты бегло рассмотрели предложенные им отсканированные копии документов, он заговорил глуховатым голосом:

– За последнее время главное управление внутренних дел по Ордатовской области забросало нас своими предписаниями. Перед вами копии этих удивительных документов. Вы только представьте, сколько усилий нужно от нас для выполнения всех требований правоохранителей! Началось всё с предписания за номером 61/7397, которое направил нам 26 мая 2015 года начальник управления налоговых преступлений ГУВД Блинов, предложив, цитирую, «представить сотруднику УНП ГУВД для ознакомления на месте документы финансово-хозяйственной деятельности: договоры, счета-фактуры, накладные, платёжные документы, односторонние акты сверок, товарно-транспортные накладные и т. д. ЗАО «Кредо» за период с 2011 по 2015 годы». Затем, 5 июня 2015 года, оперуполномоченный отдела по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД Крупаченко направил ЗАО «Кредо» телефонограмму с предложением прислать список сотрудников компании, которые отвечали за поступающее сырьё, контроль выполнения строительно-монтажных и отделочных работ и транспортные услуги за 2011-2015 годы. А 13 июля 2015 года заместитель начальника УНП ГУВД Парфёнов предписанием за номером 61/1178 предложил ЗАО «Кредо» представить, цитирую, «заверенные копии документов за весь период взаимоотношений с ООО «Спецторг» (договоры, счета-фактуры, накладные, платёжные документы, односторонние акты сверок, товарно-транспортные накладные и т. д.), а также список работающих и уволенных сотрудников ЗАО «Кредо» с обязательным указанием дат рождений, мест жительства и паспортных данных за период с 2011 по 2015 годы». Чермных оторвал взгляд от бумаг, с печальной усмешкой посмотрел на журналистов и сказал устало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.